ОГОНЁК
№ 32 АВГУСТ 1958
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

На Охтенском химическом комбинате в Ленинграде разработана новая технология производства пленки «бутафоль» для многослойных безосколочных стекол. Это дает возможность обходиться без применения дорогостоящих дефицитных растворителей, в три раза повышает производительность труда и дает четыре миллиона рублей экономии в год. На снимке: аппаратчица Фаина Брусова наблюдает за производством пленки «бутафоль» по новой технологии.

Фото Б. Уткина.

На первой странице обложки: Дымковские игрушки. ВОДОНОСКА и ГУСЯТНИЦА (автор Е. А. Перминова), КОРМИЛИЦА (автор Е. З. Кошкина).

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

№ 32 (1625) 3 АВГУСТА 1958

36-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

ХОРОШИЙ УРОЖАЙ!

«Судя по состоянию посевов, в стране ожидается хороший урожай сельскохозяйственных культур, особенно в основных зерновых районах Сибири, Казахстана, Поволжья, а также на Северном Кавказе, Украине и в ряде других районов страны».

Кто из нас не радовался, читая эти строки сообщения Центрального статистического управления об итогах выполнения государственного плана развития народного хозяйства СССР за первую половину 1958 года! Хорошие вести идут с уборочного фронта. Сотни хозяйств Кубани и Ставрополья, Украины и Дона намолачивают по двадцать, тридцать и более центнеров зерна с гектара. Во всех районах, развернувших жатву, идет продажа хлеба государству по новым, единым ценам.

Каждый день печать сообщает о героях фронта уборочных работ. На снимке — герои жатвы на Кубани: машинисты лафетной жатки братья Алексей и Дмитрий Сундеевы.

Дмитрий уже шестой год работает комбайнером. А вот помощник его, Алексей, тот помоложе и возрастом и стажем: только в конце июня окончил школу механизации. Со школьной скамьи — и сразу в поле, на уборку. Опыта у него, конечно, еще не было. Но, как говорят механизаторы, «он у нас старанием, трудолюбием брал».

— Когда наступили дожди и надо было резко увеличить выработку,— рассказывает Дмитрий Сундеев,— мы с братом решили, что работать будем днем и ночью. Обязательство взяли такое: скосить одной лафетной жаткой не менее 60 гектаров хлебов за сутки. Составили почасовой график. Все, кажется, учли: и состояние массива, и рельеф, и скорость движения трактора. С вечера на смену заступил Алексей с трактористом Григорием Фабричным. Миновал час, и дело сразу пошло на перевыполнение. В одиннадцать вечера я сменил Алексея, а Григория — Иван Ребров. Ночью, конечно, труднее. Но мы не отстали от первой смены...

Тридцать девять раз вместо тридцати двух жатка братьев Сундеевых обошла поле. Суточная выработка достигла рекордной величины — 78,7 гектара. А через несколько дней слава об этом рекорде гремела уже по всей Кубани. Бюро крайкома партии и крайисполком, наградив механизаторов ценными подарками, предложили широко распространить их опыт во всех колхозах и совхозах края. Последователей у братьев Сундеевых оказалось много. Вот общими усилиями и была одержана замечательная победа хлеборобов Кубани: они досрочно выполнили, а затем и перевыполнили план продажи и сдачи хлеба государству. В закрома Родины засыпано 93,6 миллиона пудов зерна.

Дмитрий и Алексей Сундеевы. →
Фото Галины Санько.

Мы публикуем фотографии, рассказывающие о событиях в Ираке, народ которого покончил с кучкой прислужников империализма и провозгласил республику.

Несколько фотографий отражают империалистическую агрессию на Ближнем и Среднем Востоке

→

Багдад. 14 июля. Население города вышло на улицы приветствовать свершившуюся революцию.

Народы войне: **НЕТ, НЕТ И НЕТ!**

Заметки делегата Всемирного конгресса за разоружение и международное сотрудничество

Борис ПОЛЕВОЙ

В Стокгольме было скромное, прохладное северное лето. Утренняя заря уже не говорила «здравствуй» вечерней, но в парках буйно цвел жасмин, и к запаху бензиновой гари на улицах ощутимо примешивался душный и сладкий аромат лип.

Город, давший некогда свое имя удивительному человеческому документу, заменившему еще не изобретенный наукой щит, прикрывающий человечество от атомных и водородных бомб, снова оказал гостеприимство силам мира.

Это была самая представительная из всех ассамблей народов, какие когда-либо собирались на земле... Написав эту фразу, я вспомнил, что употреблял ее уже однажды в статье об одном из предшествующих конгрессов сторонников мира. И все-таки я ее не вычеркнул. Сейчас она на месте более чем тогда, потому что такой представительной ассамблеи, как та, что в разгар лета собралась в Стокгольме, наша старая планета еще не знала.

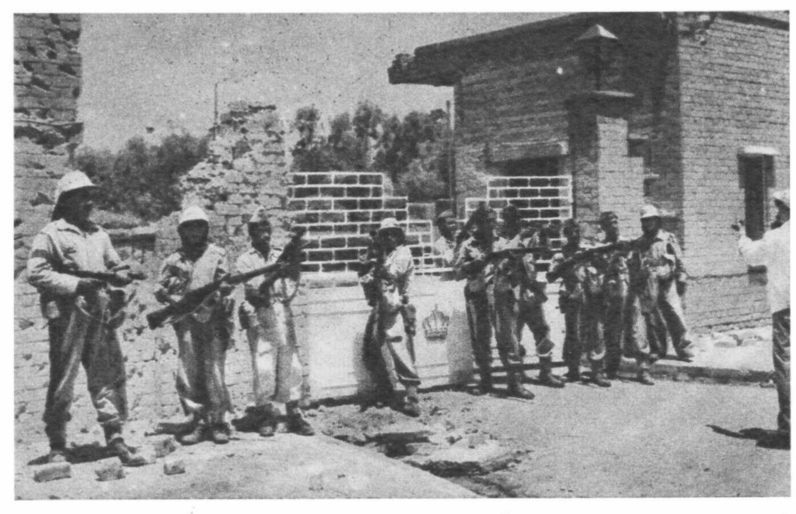
В огромный полусферический деревянный зал спорта съехались на этот раз люди не только всех цветов и оттенков кожи, множества вероисповеданий, но и различных и часто диаметрально противоположных политических убеждений. Вместе со сторонниками мира—этой старой, испытанной гвардией борцов против войны — в зале сидели швейцарские пацифисты, английские квакеры, западногерманские борцы против атомной смерти, представители далеких восточных религий и сект, отвергающих войну и насилие по религиозным соображениям, австрийские баптисты.

Мне пришлось одно из заседаний провести на скамьях западногерманской делегации — одной из самых больших по численности. Тут рядом сидели владетельный герцог и грузчик из Гамбургского порта, бывший немецкий генерал, приведенный сюда воспоминаниями о минувшей войне, и старый антифашист, познавший ужасы гитлеровских концентрационных лагерей. Я разговаривал с ними, и было ясно, что всех этих столь разных людей привели сюда человеческий разум, общая борьба в «движении против атомной смерти».

Уже когда читался доклад Фредерика Жолио-Кюри, из-за болезни не сумевшего лично участвовать в конгрессе, стало понятно, что общая ненависть к войне, к горячей и холодной, общая тревога, вызванная в разумных людях гонкой вооружений, сплачивают разноликих и разномыслящих. Три места в этом пламенном послании высекли в зале общие бурные аплодисменты. Я запомнил их. Это было, когда великий ученый требовал у западных держав вслед за Советским Союзом немедленно прекратить испытание ядерного и термоядерного оружия. Это было, когда он писал о сосуществовании и мирном экономическом соревновании стран с различными государственными системами. А когда в заключение Жолио-Кюри выражал надежду, что конгресс своим единодушно выраженным мнением может начать эру разоружения и взаимопонимания, все встали и бурно, страстно аплодировали этой надежде.

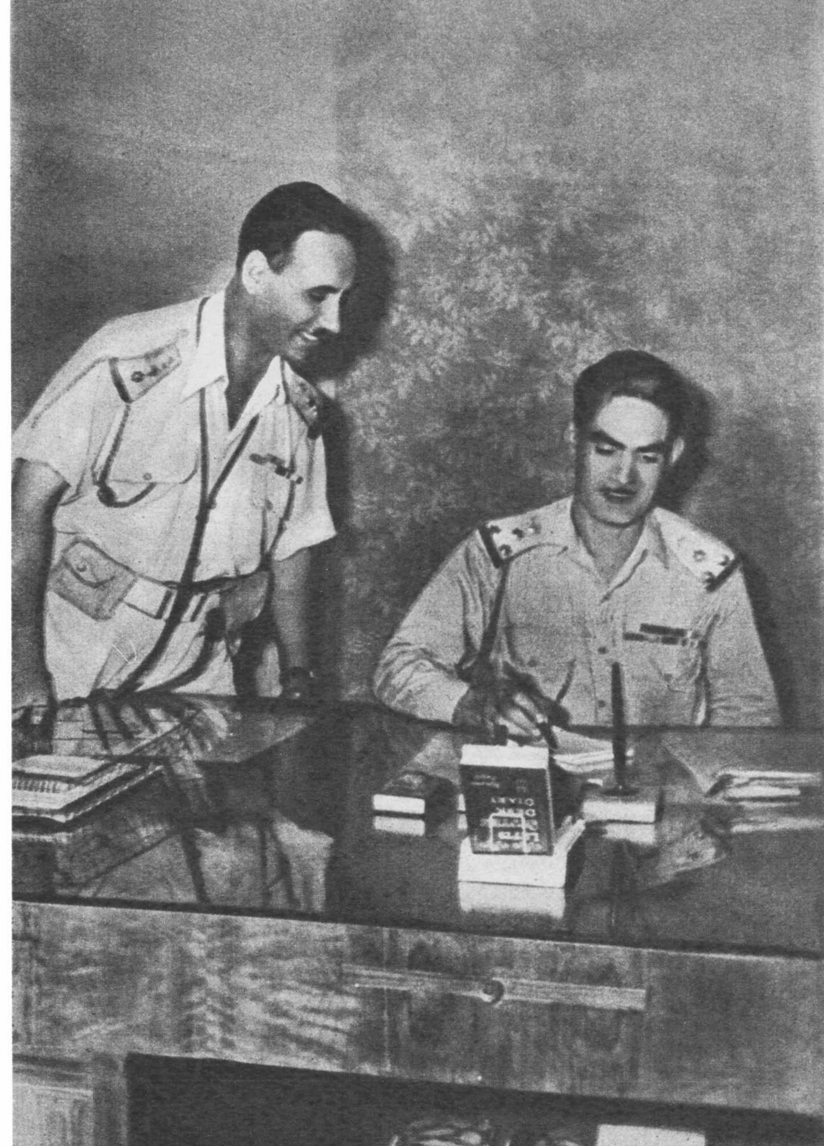
Трибуна конгресса была открыта для всех. Каждый записавшийся мог говорить, что хотел, выражать любую точку зрения, по-своему подходить к обсуждаемому, вносить предложения. Ограничивалось только время, да и то потому, что в первый же день выразило желание выступить около сотни человек. В ходе долгих, в иные дни затягивавшихся далеко за полночь прений прочно выкристаллизовывалось единодушие конгресса по основным обсуждавшимся вопросам: «да» — разоружению, «нет» — безумной политике гонки вооружений; «да» — немедленному запрещению испытаний ядерного и термоядерного оружия и страстное «нет» — атомным взрывам, которые продолжают производить Соединенные Штаты и Англия; «да» и «да» — политике мирного сосуществования, немедленным переговорам на высшем уровне, мирному соревнованию держав с различными социальными системами; «нет, нет и нет» — войне холодной и горячей, маленькой и большой.

Слушали мы, советские люди, выступления делегатов, и сердце наше наполнялось гордостью за то, что мы советские граждане. Мудрая мирная политика Советского Союза, народного Китая, Чехословакии и других стран народной демократии светила на этом конгрессе как пламя надежды, что мир не только должно, но и можно отстоять. Об этом говорили делегаты разных стран. Арабский профессор и буддийский монах с Цейлона, бывший немецкий генерал и юный английский лейборист, католический священник из Венгрии и старый негр, вождь крестьянского союза из Судана, старая француженка, потерявшая на войне четырех сыновей, и знаменитый герой народно-освободительной борьбы из



Солдаты иракской армии около дворца бывшего премьер-министра Ирака Нури Саида.

Площадь перед королевским дворцом, где были убиты король Фейсал и наследный принц Абдул Иллах.



Премьер-министр Иракской Республики Абдель Керим Касем за работой.

Венесуэлы. Да и найдется ли в мире хоть одна мать, любящая детей, крестьянин, растящий сад, художник, старающийся запечатлеть на полотне и в мраморе красоту жизни, рабочий, чьи руки создали все, чем изобильна земля, государственный деятель, воистину любящий свой народ,— словом, хоть один здравомыслящий человек, который хотя бы про себя не приветствовал такие ясные, смелые и уверенные шаги, предпринятые Советским Союзом в одностороннем порядке, как ликвидация военных баз, резкое сокращение бюджета вооружений, уменьшение сухопутных и военно-морских сил и, наконец, прекращение испытаний атомного оружия!

Заседания протекали в грозные дни. Каждое утро радио приносило тревожные вести: янки высадили десант в Ливане, английские парашютисты начали оккупацию Иордании... Над горизонтом зримо нависала туча новой войны, и это еще больше сплачивало делегатов. Единодушно, под бурные аплодисменты, конгресс принял резолюцию протеста против интервенции на Ближнем Востоке.

— Руки прочь от Ливана и Иордании! Пусть народы, освободившиеся от колониального гнета, сами решают свою судьбу. Эти слова, прозвучавшие с трибуны, подняли весь конгресс на ноги. И мне подумалось: если бы те, кто, попирая права морали, развязывает новые колониальные войны, могли бы заглянуть хоть на миг в этот зал, где заседали представители почти шестидесяти народов, они содрогнулись бы, ощутив и поняв, что весь мир отвергает и проклинает новые вылазки колонизаторов.

Решения конгресса — манифест, который он провозгласил, рекомендации, которые были выработаны,— явились плодом коллективной мысли в самом широком смысле этого слова. Часы, когда делегаты, рассредоточившись по комиссиям, вырабатывали эти решения, были самыми напряженными. Рекомендации на глазах слагались из отдельных, тут же прозвучавших предложений, как дом слагается из бревен. Истина порой рождалась в горячем споре. Но это была истина, приемлемая для всего человечества, находившая отзвук во всех сердцах.

Было ли на конгрессе единодушие? Подходя к результатам голосования протокольно, этого, пожалуй, не скажешь. Были случаи, когда против той или иной рекомендации поднимались одна или две руки. Но политически эти один — два человека, голосовавшие против или воздерживавшиеся, в зале, который ощетинивался лесом рук, лишь подчеркивали выразительное единодушие, достигнутое в условиях ничем не ограниченных демократических прений.

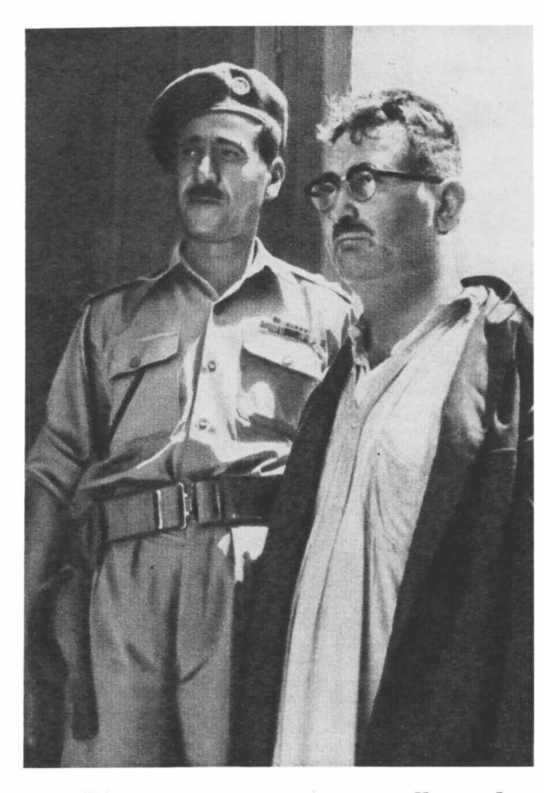
Любопытно с этой точки зрения происшествие, случившееся в делегации США. Это была группа стойких, мужественных, сплоченных людей, приехавших на конгресс не без риска для своей репутации. Но с самого начала обратил на себя внимание один из делегатов, некий Натан Купер, — толстый румяный молодой человек с черной каракулевой бородкой. Да зачтется ему при расчетах с теми, кто подсунул его в делегацию, то, что с самого начала конгресса он развернул бурную деятельность в кулуарах. Подсаживаясь то к одному, то к другому делегату, он начинал ему доказывать бесцельность конгресса и доказывал, пока собеседник не отмахивался от него, как от назойливой мухи. Сначала на него смотрели с удивлением, потом с возмущением и, наконец, просто отгоняли от себя как провокатора. Убедившись в тщетности своих попыток, молодой человек с каракулевой бородкой заявил, что он, разочарованный, «выскакивает» из конгресса, и гордо покинул зал заседания. И это событие никого не поразило. Тогда он достал из чемодана две черные доски, на которых заранее, типографским способом, были оттиснуты нелепые слова: «Советские белые голубки — это водородные бомбы». Прицепив эти доски на грудь и спину, он стал расхаживать около дверей зала. Он ходил день, два, но делегаты проходили мимо, брезгливо отворачиваясь, и лишь стокгольмские мальчишки подарили ненадолго свое внимание человеку, «выскочившему из конгресса».

Манифест конгресса, обращенный к народам мира, был принят при полном единогласии. Ни одного голоса против. Ни одного воздержавшегося. Весь этот огромный зал выразил волю народов, показал просто эпическое единодушие. И когда под впечатлением этого торжественного финала мы с друзьями пешком возвращались в отель, мне вдруг вспомнилось, как десять лет назад в польском городе Вроцлаве состоялось первое заседание людей доброй воли, еще настороженных в отношении друг к другу, еще разрозненных, еще не верящих, что дело, которое тогда только зарождалось, может дать какие-нибудь результаты и отразиться на судьбах мира.

Помнится, к нам, к советским писателям, подошел тогда французский коллега, человек иронического ума, и, улыбаясь, спросил: «Неужели вы, материалисты, верите, что лист бумаги, сколько бы подписей под ним ни стояло, может кого-нибудь защитить от атомной бомбы?» И тогда Александр Фадеев ответил ему, напомнив мысль Карла Маркса: идея, овладевшая массами, становится материальной силой.

И вот мы шли по ночному Стокгольму. С залива дул мягкий бриз. Липы неистово благоухали в ночном влажном воздухе, справа и слева в лунном сиянии возникали башни и шпили северного города. И думалось о том, в какую гигантскую силу превратились сейчас идеи мира, сосуществования, дружбы народов, излучаемые социалистическими странами и находящие отражение у людей всей земли. И надежда на то, что силы мира в конце концов победят силы войны, перерастала в уверенность.

Министры Иракской Республики.



Бывший министр иностранных дел Ирака Фадыль Джемали (справа) пытался бежать, захватив списки тайной агентуры Багдадского пакта на Арабском Востоке, но был арестован. Скоро он предстанет перед судом.

←

Новая республика с каждым днем получает все большее и большее международное признание. Ее признали, в частности, страны социалистического лагеря и арабские страны.

19 июля в Дамаске было подписано соглашение между ОАР и Иракской Республикой о совместных действиях против любой агрессии. На снимке (в центре слева направо): президент ОАР Гамаль Абдель Насер и глава иракской делегации заместитель премьер-министра Иракской Республики Абдель Салям Ареф.

Багдад, 17 июля. Прошло всего три дня после переворота, а жизнь столицы уже вошла в нормальную колею. На снимке: главная магистраль Багдада — улица Гарун-ар-Рашида.

Империалисты продолжают бросать свои войска в соседние с Ираком страны — в Ливан и Иорданию. Для этого используются американские военные базы и базы НАТО. На снимке — американские войска во Франкфурте-на-Майне (Западная Германия) готовятся к посадке в самолеты.

Эти два снимка сделаны 18 июля. На первом вы видите английских солдат 19-й бригады, которых посылают «на остров Кипр», а на деле — против народов Арабского Востока. На втором снимке запечатлены английские парашютисты на амманском аэродроме в Иордании после срочной переброски с острова Кипр.

Американцы в Ливане. Оккупанты ведут себя как хозяева.

Но старый режим уже не вернут никакие силы. Здесь изображен трон короля Фейсала. Багдадцы повесили на него солдатский ботинок, красноречиво выразив этим свое отношение к монархии. Сверху надпись: «Да здравствует Иракская Республика!»

ОТКРЫТИЕ ПАМЯТНИКА МАЯКОВСКОМУ

←

29 июля, в 2 часа дня, на площади Маяковского в Москве состоялось торжественное открытие памятника поэту пролетарской революции Владимиру Маяковскому.

Автор памятника — скульптор А. П. Кибальников.

Фото С. Фридлянда.

Седьмой съезд Коммунистической партии Японии

В Токио состоялся седьмой съезд Коммунистической партии Японии. Основные задачи съезда — выработка новой программы, нового устава партии и избрание нового состава ее Центрального Комитета.

На снимке справа налево: Сатеми Хакамада, Киумеи Осава, Сандзо Носака, Йосио Сига в президиуме съезда.

Международный конгресс зодчих

Делегаты конгресса осматривают жилые дома в Новых Черемушках.

Фото Я. Рюмкина.

Зодчие всей земли собрались в Москве. Шесть дней работал V конгресс Международного союза архитекторов (МСА). Почти неделю многоязыкий говор посланцев пяти континентов звучал то под сводами древнего Кремля, то в Актовом зале университета, то в различных проектных мастерских.

Представители сорока с лишним национальных секций МСА, объединяющего около ста тысяч архитекторов, встретились, чтобы обсудить проблемы сооружения новых и реконструкции старых городов, подвести итоги за истекшее десятилетие, бросить взгляд в завтрашний день.

«Архитектура — это творчество, созидание. Она несовместима с разрушением, с войной». Эти слова советского архитектора П. В. Абросимова перекликаются со словами президента МСА Гектора Мардонес-Рестата. «С трибуны Конгресса мы поднимаем свой голос за то, чтобы благородный дух гуманизма и по-настоящему добрая воля правительств предотвратили развязывание новых войн».

Конгресс явил собой пример живого и дружеского обмена опытом. С исключительным вниманием знакомились наши гости с достижениями советских строителей. В свою очередь, советские мастера почерпнули немало полезного, поучительного из сообщений своих зарубежных коллег, из их критических замечаний.

АВТОМАТ УПРАВЛЯЕТ ПОЕЗДОМ...

В. ВАСИЛЬЕВА

Представьте, что вам предстоит путешествие по железной дороге и вы приходите на вокзал взять билет. У кассы не толпится народ. Билеты быстро и четко выдает... автомат. Он вручает вам билет до нужной станции и не ошибается, если даже вы едете за тысячи километров и с несколькими пересадками.

Вы сели в вагон, и поезд тронулся. В пути загляните туда, где находится машинист. Он на своем месте. Но его руки не прикасаются ни к одному прибору управления, хотя поезд мчится с обычной скоростью. Вдали мелькнул красный свет светофора. Неужели руки машиниста не потянутся к тормозу? Нет. Он по-прежнему не дотрагивается ни до одного прибора, локомотив сам замедляет ход и останавливается. Но вот путь свободен, и поезд, плавно набирая скорость, снова мчится по железнодорожному полотну. На станции он стоит столько, сколько нужно по расписанию — секунда в секунду,— и снова в путь.

«Что же это за фантастическое путешествие по железной дороге?» — спросит читатель. Нет, это уже не фантастика. Многое из описанного существует и сегодня. Автоматика превращает в действительность самые смелые мечты. Вот что рассказал нам о применении автоматики на железных дорогах директор Института комплексных транспортных проблем Академии наук СССР профессор Т. С. Хачатуров:

— Автоматизация транспорта ведется по двум направлениям. С одной стороны, разрабатываются автоматические устройства для вождения поездов и самолетов, приборы, формирующие составы на сортировочных станциях и открывающие шлюзы на речных каналах. С другой стороны, автоматизируются процессы составления графика движения поездов, планов перевозок грузов, тяговые расчеты. С помощью электронно-вычислительных машин делаются вычисления для строителей железных дорог.

Коллектив нашего института провел недавно конференцию по вопросам применения автоматики на транспорте, показавшую широкие перспективы ее внедрения. Мы сами занимаемся вопросами автоматизации транспортных процессов. Возьмем, например, составление графика движения поездов. Каждый пассажир, ездивший с пересадкой, знает, как важно четко согласованное движение поездов. Для составления общесоюзного графика пассажирских и грузовых поездов надо собрать и обработать миллионы информационных данных. Представляете, сколько времени и сколько людей требуется для этого? А вот счетно-решающая машина «запомнит» данные информации и быстро выполнит все расчеты, причем из всех вариантов графика выберет самый удачный. Использование таких машин для составления графика движения поездов — дело недалекого будущего.

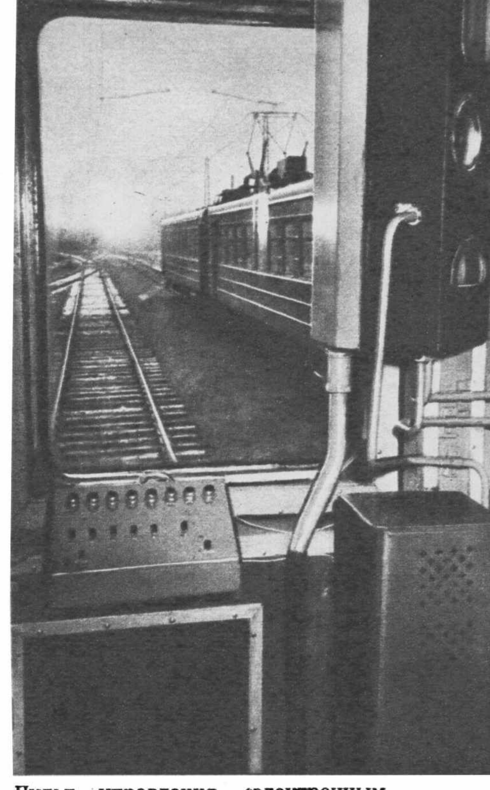
Сейчас мы работаем над применением автоматики, позволяющей составить прогноз для железнодорожного узла на три — пять суток вперед. Такой прогноз имеет большое значение: устраняются задержки грузов, встречные и излишние их пробеги; источники производства будут, как принято у нас говорить, «привязаны» к районам и пунктам потребления. Все это даст огромную экономию средств.

Счетно-решающие машины, возможно, даже существующие, — «Урал» или «Стрела» — должны будут переработать огромную информацию о количестве составов, отходящих от станций, о роде грузов, типах поездов, длине пути.

Один из заводов счетно-аналитических машин уже выпускает приборы для выполнения так называемых тяговых расчетов. Машина «запоминает» вес поездов, серии локомотивов, спуски, подъемы на их пути, быстро и точно определяет скорость движения поезда в любой точке перегона и многое другое.

— А как осуществляется автоматическое управление поездами?

— Когда машинист ведет поезд, он заранее знает его вес, расписание движения, профиль пути, технические возможности. Все это позволяет ему вести состав. Но и этот процесс поддается автоматизации. Надо в уравнение в качестве коэффициентов подставить данные о весе поезда, скорости его движения, профиле пути. Решая такое уравнение, можно определить совершенно точно, как следует управлять поездом в каждую данную минуту. Но у машиниста нет времени для таких вычислений даже при наличии достаточной технической подготовки. Тут и приходит на помощь электронная управляющая машина. Она сама «запоминает» все, что нужно машинисту, решает за него это уравнение и немедленно отдает «приказания» поезду. «Автомашинист» включается легким нажатием кнопки, и машинисту остается лишь наблюдать за работой автомата.



Пульт управления «электронным машинистом».

Фото С. Тартаковского.

Опытный образец «автомашиниста» создал коллектив инженеров под руководством конструктора Н. С. Николаева. Предварительные линейные испытания на Куйбышевской железной дороге показали реальную возможность внедрения такой машины в практику эксплуатации железных дорог. Опытный образец «автомашиниста» испытывался по более расширенной программе на железнодорожной ветке Кунцево — Усово под Москвой.

«Невидимые руки» проникают в самые различные области сложного транспортного хозяйства. Над этим трудятся ученые многих институтов. Во Всесоюзном научно-исследовательском институте железнодорожного транспорта группа сотрудников, возглавляемая кандидатом технических наук Н. М. Фонаревым, занята автоматизацией формирования поездов на сортировочных горках.

Чтоб сформировать состав, расцепленные вагоны подают на горку. Они скатываются по разным путям сортировочного парка и формируются в новые составы. При этом они не должны ударяться друг о друга. На механизированных горках действуют особые устройства — вагонные замедлители. Если же их нет, то рабочие подкладывают под колеса специальные «башмаки». Как облегчить труд этих рабочих, избежать повреждений вагонов при сортировке, уменьшить число людей, занятых на сортировочных путях?

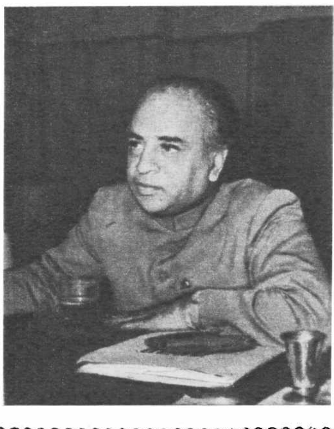
Вот тут и должна помочь автоматическая система. Она «знает», с какой скоростью должен двигаться вагон и с какой он идет фактически, ходовые его свойства, расстояние до впереди стоящего вагона. Приборы учитывают погоду, мгновенно решают сложнейшие уравнения и задают необходимый режим торможения. На подмосковной станции Лосиноостровская успешно испытывается эта система.

Гости «Огонька»

Редакцию «Огонька» посетили гостящие в СССР индийская писательница г-жа Тапати Мукерджи и Секретарь Бомбейской секции индийского Национального Конгресса г-жа Нирмала Десаи.

На снимке (слева направо): советская поэтесса Сильвия Капутикян, г-жа Тапати Мукерджи, г-жа Нирмала Десаи и М. Г. Грызунова — редактор издания журнала «Советская женщина» на языке хинди.

Фото М. Ганкина.



Редакцию журнала «Огонек» посетил известный индийский писатель Мулк Радж Ананд.

Фото Е. Умнова.

Дымковские мастерицы

С. КРУТИЛИН

В любом из наших старинных русских городов есть что-то особое, неповторимое, что вызывает законную гордость их жителей. Владимирцы гордятся историческими церквами и тракторным заводом, изменившим облик города; туляки — оружейниками, самоварами и легендарным умельцем Левшою, что подковал блоху.

Кировцы же известны как мастера по изготовлению гармоней и игрушек.

«А вы в Дымкове были?» — прежде всего спросят вас в Кирове. И, узнав, что вы впервые в городе, любой кировец — молодой или старый — примется рассказывать вам историю возникновения дымковской глиняной игрушки. Он начнет непременно с далеких хлыновских времен, назовет вам имена двух — трех известных мастериц и закончит убежденно и горячо: «Сходите в Дымково! Очень любопытно...»

И правда, когда начинаешь знакомиться с самобытным искусством дымковцев, то познаешь много любопытного.

С давних пор, как об этом повествует предание, хлыновцы (Вятка до 1780 года называлась Хлыновым) ежегодно в начале июня устраивали сохранивший следы язычества праздник «свистунья». Это был праздник весны — яркий, веселый, красочный. И вятичи сохранили старые обычаи.

Пестрое сборище разряженных людей и навело на мысль дымковских крестьян, изготовлявших к празднику тысячи глиняных свистулек, лепить, кроме них, и куклы-карикатуры. Так еще в прошлом веке на вятской ярмарке рядом со свистульками начали продаваться барыньки, гуляющие парочки, всадники-гусары.

Так родилось яркое, самобытное народное искусство, по-своему отражавшее нравы городских обывателей. Дымковская кукла — это не просто игрушка. Критический взгляд крестьянина, жившего в пригороде, схватывал характеры горожан, прежде всего дам, людей военного сословия; особенности их нарядов, их движений подчеркивались добродушной усмешкой — и в результате получалась легкая, смешная карикатура.

Но, повторяем, не столько любопытна эта история, сколько то, что многие кировцы, зная ее, не знают того, что мастерская дымковской игрушки давно уже находится не в зареченской слободке, а в самом центре города, в Доме художника.

Мастерская занимает просторную комнату с двумя высокими, светлыми окнами. Первое, что мы увидели, войдя в мастерскую, были белые, аккуратно отделанные деревянные ящики. «Брюссель. Всемирная выставка 1958 года. Павильон СССР» — написано было на каждом из них. Налево, у окна, на двух столах, сдвинутых впритык, стояли приготовленные к отправке игрушки. Экое богатство, если бы вы видели! Яркие, живописные, отделанные золотом, они сияли. Казалось, им тесно здесь, в стенах комнаты,— им нужен простор, вольный воздух, нужна ярко освещенная площадь. Пестротой и броскостью цветовых пятен они как бы передавали движение празднично разряженной толпы. И невольно вспомнились замечательные слова незаслуженно забытого вятского писателя Всеволода Лебедева из его книги «Вятские записки»: «Что привезти из Вятки в столицу? Берестяной бурачок, пахнущий деревом свежим, да куклу, что светит и блестит, так блестит и светит, что при ней, при этой кукле, в разговоре слово бранное побоишься сказать: ведь за стеклом она,— красавица, сделанная рукой деревенской старухи, стоит, как гостья, и держись при ней чище и прямее».

Постепенно из ярких, живописных пятен начинаешь выделять отдельные игрушки. Здесь были различные животные: коровы, двуглавые олени с позолоченными рогами, медведи, держащие в лапах гармошки, бараны, зайцы, куры, петухи, индюки; лодочники, работавшие веслами, гусары — всадники с желтыми эполетами... Но больше всего было красавиц: водоноски с коромыслами на плечах, няньки с детьми, барыньки с зонтиками в руках — каждая со своим особым выражением, повадкой и характером.

Мастер цеха Евгения Алексеевна Шишкина познакомила меня с мастерами и ученицами. Они сидели за столами, ближе к свету,— лепили куклы. Перед ними лежали куски красной глины, завернутые в мокрое рядно.

Приятно наблюдать за их работой. Вот молодая мастерица Зоя Чарушина берет в руки бесформенный кусок глины. Несмотря на сноровку мастерицы, прошло немало времени, пока наконец из куска глины выросла голова коня, затем туловище, ноги. На его спине — всадник, круглолицый, важный, напыщенный.

— Зоя Васильевна! Вы любите гусаров лепить? — спросила девушка, обращаясь к пожилой женщине в старомодном чепчике.

Это была Зоя Васильевна Пенкина — одна из старейших дымковских мастериц.

— А по мне — все интересно!— отозвалась Зоя Васильевна.— Надоедят куколки — примусь за петушков да зайчиков.— Она подошла к столу Чарушиной, взяла вылепленную ею фигурку.— Ну, разве это гусар?! Это председатель колхоза, который лошади боится! У гусара и осанка не та и картуз с кокардой...

Пенкина села за стол рядом с молодой мастерицей, придвинула к себе вылепленную ею фигурку; руки у нее были старческие, узловатые, а глаза быстрые, черные... Одно — другое движение— плечи у всадника приподнялись, появились эполеты, на картузе выросла кокарда, во всей фигуре вызов, удаль — и вправду теперь на коне восседал настоящий гусар.

Каждая мастерица ставит свои игрушки отдельно от других: обезличка в работе не допускается.

Хоть Зоя Васильевна и сказала: «Готова!», но игрушка эта была далеко не готова. Еще немало предстоит затратить труда, чтобы она засияла, засверкала, заулыбалась.

Искусство необходимо, конечно, при каждой операции, но роспись—венец всего дела. Именно в раскраске—народность и самобытность дымковской игрушки. Орнамент ее зачастую носит очень условный характер. Вот, гордо приподняв золоченые рога, стоит козлик. Туловище и ноги его в ярко-розовых пятнах, а между ними — крохотные коричневые точечки. Или рядом с ним петух. У него желтые крылья и голубые перья на хвосте. Игрушки настолько живописны, что, смотря на них, позабываешь об условности их росписи.

Расцветка дымковской игрушки подлинно народная, исконно русская. Особенно поражают многообразием красок куклы. На них можно любоваться часами.

Вот стоят на столах русские «бабы». Все они в красочных, разноцветных сарафанах, в плисовых шубках; на головах — шляпки с перьями, старинные кокошники. Перед тобой вся вятская улица— так и кажется, что находишься среди веселого, праздничного хоровода. Сколько выдумки, неожиданных порой сочетаний цветов, линий, штрихов! Смотрите, с какой мягкостью по белому полю брошены розовые, зеленые, голубые кружочки, между ними желтые зигзагообразные полосы; широкие рукава кофты расписаны мельчайшим разноцветным бисером. Можете не смотреть на этикетку, что наклеена внутри «ступицы»,— эта барынька расписана Зоей Васильевной Пенкиной.

А рядом — дородная нянечка с двумя младенцами на руках. На лице ее сосредоточенность и спокойствие. Ото всей ее фигуры веет невозмутимостью. Это впечатление усиливает и своеобразная расцветка. Сарафан на нянечке розовый, с большими серыми пятнами. Совсем иные линии, цвета...

Беру куклу в руки, смотрю. На «ступице», внизу, наклеена этикетка: «Автор Е. З. Кошкина».

— Кто из вас Кошкина? — спросил я девушек.

— Я! — отвечает одна из них, оторвавшись от фигурки, которую лепила.

— Это ваша работа?

— Ну что вы! Если бы я так могла!..— смущенно ответила девушка.— Это делала моя мама. Она работает дома, в Дымкове.

Мне очень хотелось поговорить со старыми мастерами, понаблюдать за их работой.

— Тогда приходите в Дымково! — сказала в ответ на нашу просьбу Зоя Васильевна.— В мастерской у нас работают лишь молодые мастера и ученики. А мы, старушки, любим делать все по старинке. И лепим по-своему, и обжигаем в русской печи, и красим яичком. Приходите, посмотрите!..

* * *

Дымково — за Вяткой, на берегу реки. Когда-то это было крохотное село. Зимой низенькие, прилепившиеся к берегу избы его вровень с крышами заметало снегом, и с крутогорья, где стоит город, видны были лишь дымки из труб: то крестьяне обжигали к весенней ярмарке свистульки... Теперь Дымково — пригород, рабочая слободка.

Улички в поселке узенькие, от дома к дому тянутся высокие дощатые заборы. Под заборами, на проталинах — лодки: во время весеннего паводка слободку заливает, и каждый дымковец с фев-

Фото Е. УМНОВА.

Евдокия Захаровна Кошкина лепит игрушки...

А Зоя Васильевна Пенкина их раскрашивает.

Куколка на ножках.— Автор — О. Н. Коновалова.

Три маленькие водоноски.— Автор — А. В. Шихова.

Самодеятельный коллектив клуба машиностроительного завода имени Первого мая города Кирова исполняет танцевальную сюиту «Дымковская игрушка».

раля еще начинает проверять и шпаклевать свою плоскодонку.

...Старый, низенький дом. В передней пришлось даже нагнуться, чтобы не удариться головой о полати. Они простирались во всю ширину комнаты — от печи до двери.

— Леплю я вот тут, у окна,— рассказывала Зоя Васильевна, проведя меня в другую, по-городскому убранную, светлую комнату.— Люблю это дело. Свекровь — великая мастерица была. От нее и переняла все. И вот уж скоро сорок пять лет будет, как леплю. Слеплю, значит, куклу и ставлю ее сушить. Сначала на полати...— Тут Пенкина снова провела меня в переднюю; я заглянул на полати: они все были заставлены глиняными игрушками.

Старая мастерица принялась подробно объяснять процесс производства игрушки. Он очень трудоемок. Не один десяток раз побывает игрушка в руках, прежде чем засверкает красками! После просушки фигурки обжигают. В мастерской на обжиг их ставят в муфельную печь, где при температуре свыше тысячи градусов они становятся пунцово-красными, а остынув, приобретают достаточную прочность. Мастера-надомники обжигают по старинке, в русской печи. После обжига фигурки осматривают, чистят, белят два — три раза мелом, разведенным на молоке, просушивают и уже после всего приступают к раскраске.

Рассказав обо всем: и какие дрова лучше при обжиге и что молоко-то при побелке надо брать снятое (обязательно!),— Зоя Васильевна предалась воспоминаниям.

— Бывало, у нас в Дымкове почти все кормились этими игрушками,— рассказывала Пенкина.— Многие лепили семьями. У нас вот семья была большая: три золовки да три деверя. И все лепили. Всю зиму и бабы и мужики сидят, лепят. Ребята помогают — всем дело найдется. А поближе к весне начинают обжигать, расписывать. Готово — несут к скупщику. Был тут у нас Караваев. Он хоть и сам лепил, но у него были и лавочки — в Вятке, в Уржуме, Слободском...

Несмотря на свои шестьдесят лет, Зоя Васильевна подвижная, энергичная. Она сама вызвалась проводить меня к своим подругам, старым дымковским мастерицам.

Самобытное искусство, принесшее славу небольшой слободке, передается из поколения в поколение. Когда-то игрушки здесь делали чуть ли не в каждом доме. Но со временем многие мастера забросили ремесло, подались в город, на пристань, стали строителями, матросами, лоцманами.

Однако и по сей день в Дымкове живет немало еще семей, хранящих дорогое народное искусство. Среди них наиболее известна семья Евдокии Захаровны Кошкиной. Сама Кошкина, как и другие старые мастерицы, работает на дому.

Когда я впервые увидел игрушки Евдокии Захаровны, я удивился их необыкновенной монументальности. И лишь когда я побывал у нее дома, мне стало понятно, откуда такая величавость в ее куклах. Дом этот замечателен. В нем все поражает громоздкостью, фундаментальностью. Сработан он из толстющих бревен, высок, неуклюж, но просторен. Стол так стол. Лавка так лавка. Печка не печка, а целый корабль!

И как-то не верится, что в этих высоких комнатах, среди этой неуклюжей мебели живет маленькая, с плавными, тихими движениями женщина. Видимо, догадавшись о моем невысказанном вопросе по тем взглядам, с какими я осматривал комнату, Евдокия Захаровна смущенно пояснила:

— Видите ли, дом-то ставила еще сама Елизавета Александровна... по своему характеру...

Очевидно, знатная дымковская мастерица Е. А. Кошкина, свекровь Евдокии Захаровны, была натура недюжинная. Рассказывают, что никто не мог с нею сравняться в искусстве, разве только сама Анна Афанасьевна Мезрина. Обе они — Е. А. Кошкина и А. А. Мезрина — стали известными мастерицами еще в конце прошлого века. С их именами связан небывалый успех дымковской игрушки на Всемирной выставке в Париже в 1900 году. Каждая из них лепила на протяжении долгих лет — до самой глубокой старости. Их искусство, полное юмора и оптимизма, несло светлую улыбку, вызывало восхищение ценителей народного, самобытного искусства во всем мире. Они воспитали немало великолепных мастеров. На Международной выставке в Париже в 1937 году и на Международной выставке в Нью-Йорке в 1939 году их работы были снова отмечены самыми высокими наградами.

С именами А. А. Мезриной и Е. А. Кошкиной связано рождение дымковской игрушки в том виде, в каком она сохранилась до наших дней.

— Я помогала Елизавете Александровне с самого начала, как пришла в их семью,— рассказывала Евдокия Захаровна.— То она попросит глину замесить, то сядем вместе белить. А лепить не учила: все боялась, секрет ее узнаю. В старину, ох, как боялись, как бы кто-нибудь не вызнал мастерство. И свекровь моя тоже. Бывало, сидит, лепит, а у самой на коленях полотенце. Случайно войдет кто из соседок — она скорее укроет полотенцем вылепленные фигурки и, пока та не уйдет, работать не примется. И мне позволяла лишь глину месить да белить. А потом уж, как стара стала, начала учить. Посадит рядом да начнет показывать, как вылеплять всадников да барынек...

А сейчас, — продолжала Евдокия Захаровна,— все мы, старые мастерицы, у которых, как про нас говорят, «волосы седые, да руки золотые», соберем вокруг себя молодых мастериц и растолковываем, как да что...

— А не сохранилось ли у вас хоть несколько работ Елизаветы Александровны? — спросил я у Кошкиной.

— Нет,— ответила мастерица.— Когда она работала, думалось: оставим — в любое время слепить может. А потом, что и осталось, раздарили знакомым...

А мне, признаться, было очень жаль, что в доме, где известная на весь мир мастерица трудилась почти семьдесят лет, не сохранилось ни одной ее работы. К сожалению, не сохранила игрушек своей матери, А. А. Мезриной, и другая старейшая мастерица, Ольга Ивановна Коновалова. И что уж совсем непростительно — слишком бедны коллекции дымковской игрушки в кировских музеях: художественном и краеведческом.

«А почему, собственно, нет музея в самом Дымкове?» — Эта мысль преследовала меня все время, пока я в сопровождении Зои Васильевны Пенкиной ходил от одного старейшего мастера к другому.

* * *

Каждый месяц мастерская «Дымковская игрушка» производит около 500 оригинальных работ. Мало, очень мало! Ведь, кроме Брюссельской выставки, уже поступили заказы из Токио, Женевы, Лондона... Не удивительно, что дымковскую игрушку приобрести очень трудно, даже в самом городе Кирове.

Игрушек мало, к тому же они очень дороги.

И, однако, можно с полной уверенностью сказать, что сейчас дымковская игрушка возродилась.

История дымковской игрушки связана с именем художника Алексея Ивановича Даньшина, благодаря неукротимой энергии которого промысел был возрожден заново.

Даньшин объединил в артель старейших мастеров, издал на свои средства несколько альбомов с рисунками орнамента. Он неоднократно выступал со статьями, пропагандировавшими дымковскую игрушку в печати. В Кирове был создан филиал Всесоюзного института игрушки. Горьковский краевой, а затем — после образования Кировской области — и Кировский областной Советы неоднократно занимались состоянием народных промыслов.

В последнее время большую помощь народному промыслу оказывает скульптор Михаил Михайлович Кошкин. Он передал часть своей мастерской в Доме художника под мастерскую «Дымковская игрушка», которая до этого ютилась в сыром подвале. По его инициативе был создан художественный совет, куда, кроме старейших мастериц, входят и местные художники-профессионалы. Они помогают молодежи в совершенствовании своего искусства.

К сожалению, не всюду нашлись такие люди. И там, где их не оказалось, художественные промыслы умерли совсем или влачат жалкое существование.

Минувшей осенью я долго путешествовал по Алтаю. Пришлось мне побывать и на прославленном Колыванском камнерезном заводе. Этому заводу более ста пятидесяти лет. На бывшем тут ранее медеплавильном заводе долгое время трудился изобретатель парового котла И. И. Ползунов, имя которого теперь носит камнерезный завод.

Художественные изделия из камня колыванских мастеров можно встретить во многих художественных музеях мира. В заводском сейфе по сей день хранится книга, изданная в 1902 году, к столетию предприятия, с изображением золотых и серебряных медалей, полученных мастерами-камнерезами на многих международных выставках. Знаменитые колыванские шлифовальщики камня делали не только мелкие художественные изделия из местных, алтайских камней — статуэтки, медальоны,— но и величественные скульптурные группы, вазы, колонны. Колоссальная ваза, прозванная за свою красоту и величину «царицей ваз», сделанная из чудесной зеленоволнистой яшмы, украшает и сейчас один из залов Эрмитажа. Ваза овальная, ее большой диаметр достигает пяти метров, и весит она одиннадцать тонн.

И что же?

Сейчас ничего не осталось от былой славы колыванских камнерезов. Завод, переданный в управление местной промышленности, давно уже не реконструировался. В тесных, захламленных цехах его потомки знатных мастеров шлифуют вставки к запонкам. Запонки тоже, конечно, нужны, но разве они оправдывают упадок замечательного искусства?

Это лишь один пример. Можно привести и еще немало примеров того, как из-за нерадивости нашей, бесхозяйственности хиреют и другие, ранее доставлявшие нашей Родине мировую славу народные промыслы. Попробуйте приобрести в Москве изделия знаменитых ужгородских горшечников: Или кто из вас не читал статей об умирании редчайшего художественного промысла — каслинского литья? Да только ли Касли был этим знаменит?

Художественным литьем из чугуна славились и мастера на заводе в местечке Белая Холуница, что неподалеку от Кирова. Статуэтки, бюсты, бра, медальоны, отлитые на Белохолуницком заводе, стали уникальной художественной редкостью.

Вот почему так радостно от одного лишь сознания, что этого не случилось с дымковской игрушкой: подлинно русское народное искусство, дошедшее до нас из глубины веков, сохраняется и приумножается. Светлое, радостное, оптимистическое, оно входит в нашу повседневную жизнь, в наш быт, украшая жилье, воспитывая вкус.

ГАЗ ПРИШЕЛ В КОЛХОЗ

Ф. КОРОТКЕВИЧ

Фото автора.

Недалеко от Грозного вездеход свернул с асфальта и покатил по проселку.

— Вот и наша Первомайка,— сказал мой спутник, председатель колхоза «Первое мая» Иван Петрович Таловеров.

Вдали, возле невысоких гор, утопала в зелени станица.

По дороге из города председатель рассказывал, как бедствовали колхозники зимой из-за недостатка топлива. А теперь в станице газ. О нем думали давно. Рядом находились Старогрозненские нефтяные промыслы. Промысловый газ был непригоден, нуждался в переработке. Между тем бытовой газ можно было получить от стокилометровой магистрали Малгобекнефть — Грозный. Начали хлопотать.

Руководители «Грознефтегаза» руками разводили: перекрытие газопровода для подключения колхоза грозило большими убытками. Тогда-то колхозные техники выдвинули смелое предложение: «врезаться» в магистраль, не перекрывая ее.

И вот в станицу пришел газ. У правления собрались принаряженные станичники. Пробовали газовое отопление. На следующий день зажгли газ в школе, а через некоторое время он пошел на колхозные фермы, в баню, ветеринарную лечебницу, теплицу, гараж и в дома колхозников.

Много перемен внесло это новшество в жизнь колхозников. Легче стало работать на фермах, в гараже. Газ делал все: отапливал, кипятил, резал, вулканизировал, готовил обед и даже выращивал рассаду и ранние овощи.

...Возле белой стены голубел манометр.

— С него и начнем осмотр,— сказал механик Баюров.— Отсюда газ идет на распределительную станцию.

В неглубокой яме видна толстая труба с заслонкой. Возле нее прыгали лягушки.

— Прячутся в холодок,— пояснил Иван Дмитриевич и добавил: — Они у нас вроде контрольного прибора: не дохнут,— значит, нет утечки газа.

В тот день мы осмотрели все газовое хозяйство колхоза. Удивительно проста система отопления! К обычным печам и плитам подводится газопровод. Внутри — горелка простейшей конструкции. Но в станице устанавливают и настоящие газовые плиты.

Вечером я сидел на крылечке у дома колхозного кузнеца Ивана Ефимовича Ларионова и беседовал с хозяйкой Татьяной Михайловной. Не нарадуется она на газовую плиту. Еще бы, за восемь последних месяцев уплатила по счетчику 160 рублей! Выходит по 20 рублей в месяц, включая и отопление трехкомнатного дома.

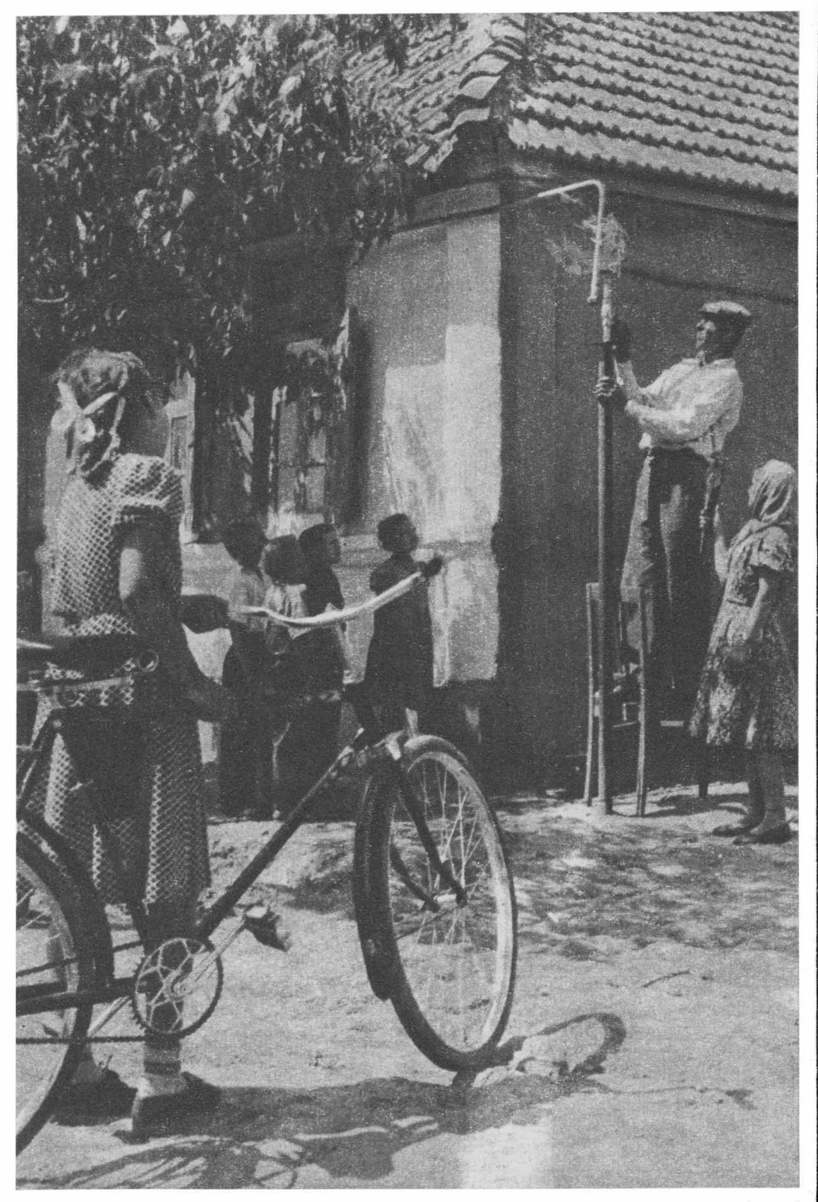
— Дрова и уголь обошлись бы нам не меньше чем в тысячу рублей,— говорила хозяйка.— Об экономии времени и говорить не приходится. Ходишь, бывало, по усадьбе и подбираешь сухие веточки...

Перед отъездом я зашел в правление. Секретарь парторганизации колхоза Дмитрий Фомич Шныпко, прощаясь, сказал:

— Думаем тянуть вторую уличную магистраль. Трудновато, конечно. Ведь в этом году машины у МТС купили. Но и колхоз наш не из бедных — 7,5 миллиона годового дохода. Осилим и полную газификацию...

Привезли газовые плиты.

Колхозные теплицы обогреваются газом.



Слесарь-газовщик А. Е. Дьяченко проверяет подводку газа к дому колхозника К. И. Богатырева.

Татьяна Михайловна Ларионова и ее сын Василий.

Идущий

КАЗИМ АЛЬ-САМАВИ,
иракский поэт.

Волки воют и воют...
Повсюду
расставлены волчьи дозоры
для того, чтоб навеки
отрезать дорогу вперед.
В темноте на тебя наступают
горящие, алчные взоры.
Над тобою грохочет гроза,
и в ушах твоих ветер ревет.
Волки воют и воют...
Их страшные лапы и морды
подбираются к самому сердцу,
рождая сомненье и дрожь.
Только чтó тебе волки,
если ты, и красивый и гордый,
молодым и уверенным шагом
к непременной победе идешь!
По пескам и каменьям,
по безлюдью родимого края
ты идешь на виду у врагов
все вперед и вперед.
Тени смерти сторукой
мелькают, тебя настигая.
Над тобою грохочет гроза,
и в ушах твоих ветер ревет.

Ты идешь в неизвестность.
И полночь, рябая-рябая,
плотно губы смыкает твои...
В непроглядную стужу и дождь,
под стеною упорства
стенанья свои погребая,
побеждая несметные скорби,
ты уверенным шагом идешь.
Чтó тебе эта слякоть
и эта погода сырая!..
Сам себе говоришь ты:
«Победа придет!
Надо только посметь!»
Будто видя сквозь тьму
радость дней
без конца и без края,
ты идешь, побеждая насмешки,
угрозы
и черную смерть.

Ты проходишь тропу за тропою,
неся за спиной свое горе.
Ты проходишь, не слыша
ни рева волов и ни скрипа телег.
Поднимаются тучи над пиками гор,
и под мачтами плещется море.
Каждый вечер уставшее солнце
уходит на дальний ночлег.
Только ты все идешь и идешь
от ступени к ступени.
Расстоянья тебе не страшны
и не страшен невидимый фронт.
Пусть решимость твоя
от тебя отгоняет вечерние тени!
Ты глазами бесстрашных надежд
видишь радужный свой горизонт.

Ты проходишь сквозь сумрак,
опираясь о скалы руками.
Ты проходишь под черною тучей,
под тяжелою, словно свинец.
Ты идешь и ногами босыми
молча давишь дорожные камни...
Сколько, сколько на этих дорогах
упало разбитых сердец!..
Сколько пролито крови и слез
в этом душу сжигающем мраке!
Сколько сброшено смелых голов
в этот грязный, загаженный ров!
Сколько здесь испугавшихся
вспять возвратилось, как раки!
Сколько здесь после битвы
осталось
обнаженных, как смерть, черепов!
А вон там видишь тени веревок
и виселиц, вставших рядами,
на которых герои
повешены прошлой зимой!..
Голоса их и ныне звучат
над селеньями и городами,
голоса их и ныне
живых призывают
на последний, решительный бой.
Голоса их зовут и зовут,
приближая желанные сроки
справедливого счастья повсюду,
от той и до этой реки,
потому что в неведомом царстве,
где-то очень далёко-далёко
жизнь цветет и господствует
всем «господам» вопреки.

Ты идешь по пустыне,
идешь беззащитный и строгий,
все уже потерявший
и все пожелавший иметь.
Ты идешь и ногами босыми
давишь горе свое на дороге,
и решимость твоя
побеждает угрозы и смерть.

Волки воют и воют,
И стонет от воя округа...
Появляется мерзкая харя
и жужжит, возмущая твой слух.
В прошлом эта личина была
незапятнанным образом друга,
но рассыпалось прошлое в прах,
и предателем сделался друг.
Вот теперь он грозит
и бранится,
называя твой путь бесполезным.
И в глазах его волчий огонь,
замерев, загорается вновь...
Ты повадки зверей разгадал
и поэтому шагом железным
неуклонно идешь по дороге,
поднимая, как знамя, любовь.

Невзирая на трудность пути
и на мрак непогоды,
ты идешь день и ночь напролет.
И опять ночь и день,
ночь и день.
Словно угол тюрьмы,
где провел ты нелегкие годы,
тень ползет за тобою вослед,
очень узкая, острая тень.
Вдруг во тьме возникают глаза,
возникают бездонные взоры.
Пусть за мрачной стеною
ни солнца,
ни месяца нет.
Все равно тех сердец
никакие не сдержат запоры!
За решеткою свет умирает,
и снова рождается свет!
Ты опять слышишь скрежет
железа,
желанной свободы алкая.
И опять слышишь голос
предателя:
«Ой, стараешься зря!..»
А вдали гимн упорной борьбы
вновь звучит, не смолкая,
и над темной тюремной стеной
молодая сияет заря.

Пусть извилиста тропка —
сумей одолеть закоулки.
Не за тем ли ты вышел в дорогу,
лишился покоя и сна!..
Ты идешь, и идешь, и идешь.
И шаги твои грозны и гулки.
Их услышат, товарищ, века!
И заря твоя будет ясна!

Вольный перевод с арабского
Вас. ЖУРАВЛЕВА.

Три письма А. М. Горького

О широте общественной деятельности Екатерины Павловны Пешковой, которой 26 июля 1958 года исполнилось восемьдесят лет, пожалуй, лучше всего свидетельствует ее переписка. На столе Екатерины Павловны можно увидеть письма от литераторов, ученых, художников, пионеров, от рабочих и колхозников. Ей пишут старые друзья Алексея Максимовича Горького, ученые, занимающиеся исследованием жизни и творчества писателя; ее приглашают выступить с воспоминаниями. С молодым энтузиазмом она выступает на горьковедческих конференциях в Москве, Горьком, Куйбышеве, Казани, у пионеров, рабочих, в воинских частях... Неоценимую помощь оказывает она жителям села Мануйловки на Украине, с которым связана вот уже более 60 лет: строительство школы и электростанции, организация клуба, создание Горьковского музея и многие другие дела колхозников осуществлялись с ее помощью.

Имя Екатерины Павловны Пешковой известно в Италии и в Польше, во Франции и Венгрии, в Америке и на Цейлоне... Трогательна была ее встреча с молодыми учительницами из Парижа, приехавшими на VI Всемирный фестиваль молодежи и студентов в Москве. В прошлом году Е. П. Пешкова по приглашению правительства Польской Народной Республики посетила Варшаву и была встречена там с исключительной теплотой.

Более шестидесяти лет своей жизни отдала Екатерина Павловна общественной деятельности. Семнадцатилетней девушкой она начала трудовой путь корректором «Самарской газеты», в редакции которой впервые встретилась с Алексеем Максимовичем Пешковым, тогда безвестным, начинающим литератором, и с ним связала свою жизнь и свою судьбу.

С начала девятисотых годов она вела работу в организации «Политического Красного креста», оказывавшего помощь политическим заключенным. С 1907 по 1914 год Е. П. Пешкова жила в эмиграции, так как в России ей грозили репрессии, о чем свидетельствуют полицейские и жандармские документы, сохранившиеся в архивах.

Вернувшись на родину в годы первой мировой войны, Екатерина Павловна стала членом «Общества помощи жертвам войны». Тогда же она возглавила комиссию по оказанию помощи детям. Она организовала «Отряд по сбору детей на фронте» для устройства их в детские дома.

В 1918 году Екатерина Павловна избирается в правление «Художественного просветительного союза рабочих организаций». В дальнейшем Екатерина Павловна продолжает заниматься разнообразной общественной деятельностью. В период борьбы советского народа с гитлеровскими захватчиками Екатерина Павловна вела большую работу в комиссиях по оказанию помощи детям, пострадавшим от войны.

Е. П. Пешкова была связана со многими выдающимися деятелями революционного движения, науки, литературы, искусства. 20 октября 1920 года ее квартиру в Машковом переулке в Москве посетил Владимир Ильич Ленин. Известный пианист И. А. Добровейн играл тогда Ленину и Горькому сонату Бетховена «Appassionata». В числе знакомых и друзей Екатерины Павловны можно назвать А. П. Чехова, В. Г. Короленко, Ф. И. Шаляпина, К. С. Станиславского, Вл. И. Немировича-Данченко, В. И. Качалова, Л. А. Сулержицкого, К. А. Тимирязева, А. Н. Баха и многих других замечательных людей нашего времени.

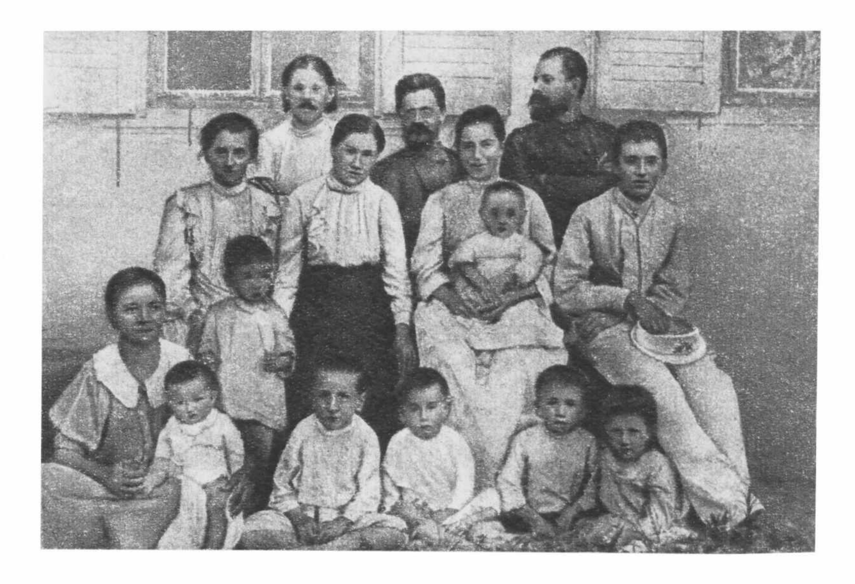
После смерти А. М. Горького Е. П. Пешкова много сил отдает собиранию, хранению и пропаганде литературного наследия писателя.

В 1955 году вышел в свет первый том писем А. М. Горького к Е. П. Пешковой, подготовленный к печати и прокомментированный ею лично. Письма Горького к Е. П. Пешковой — замечательная по своей общественной и историко-литературной ценности коллекция документов. В письмах Алексей Максимович делился с Екатериной Павловной волновавшими его мыслями, рассказывал о своих творческих планах, давал разнообразные и порой весьма сложные и хлопотливые поручения. В частности, Екатерина Павловна систематически снабжала Алексея Максимовича нужными ему книгами, материалами и документами. «У меня растет хорошее, крепкое чувство уважения к тебе, и слово «друг», серьезно, не пустое слово, когда я тебя называю им»,— писал Горький Екатерине Павловне в октябре 1904 года.

В настоящее время Екатерина Павловна занята подготовкой к печати второго тома писем А. М. Горького к ней, а также работой над томом писем Горького к сыну, Максиму Алексеевичу Пешкову. «Огонек» публикует с разрешения Екатерины Павловны три письма Горького.

Н. ЖЕГАЛОВ, Г. ЛЕВИН,
научные сотрудники Института мировой литературы имени А. М. Горького.

Е. П. Пешкова. Фото В. Тарасевича.



А. М. Горький в селе Мануйловке на Украине летом 1900 года. Во втором ряду сидят (слева направо): Е. П. Пешкова, учительница Л. Д. Самойленко, З. В. Васильева, А. Л. Средин. Стоят: А. М. Горький, Н. З. Васильев, учитель С. Ф. Самойленко.

ПИСЬМА А. М. ГОРЬКОГО к Е. П. ПЕШКОВОЙ

I

[Капри, 20 мая (2 июня) 1907 г.]

Вчера возвратился из Лондона, получил твое и Максимово письма, очень рад. Скажи Максу[1], что я пришлю ему книг о дикарях,— а впрочем, я сам напишу ему.

Съезд[2] был страшно интересен для меня, я не заметил, как промелькнуло три недели времени и очень много взял за эти дни здоровых, бодрых впечатлений. Страшно нравятся мне рабочие, особенно наши, большевики. Удивительно живой, разнообразный интеллигентный народ, с такой яркой жаждой знаний, с таким жадным, всесторонним интересом к жизни. Я устроил им в Гайд-Парке митинг, говорил о современной литературе, был очень удивлен их чуткостью и остротой внимания.

Наши старички Плеханов, Аксельрод и иже с ними оставили во мне жалкое впечатление людей ослепленных, ошеломленных жизнью. Полубольные, они раздражаются по каждому ничтожному поводу, у них много честолюбия и — не чувствуется силы. Их жалко, да, но — как это приятно видеть, что жизнь уже отодвигает прочь, в сторону, людей, которые еще вчера были далеко впереди многих. Приятно потому, что указывает на быстроту роста жизни, на развитие требований к человеку идей со стороны пролетария.

Лондон, как город, я почти не видел, с утра до вечера сидел на заседаниях съезда, но все же ясно для меня, что это чудесный и чудовищный город. Его жемчужина — Британский музей — изумительно богат и умно устроенный. Был в картинных галереях, интересно. Буду писать статью о городе по просьбе одного журнала, т. е. собственно говоря — по поводу города о внешнем впечатлении.

Ты, значит, получила мою посылку, это хорошо. Посылаю другую: XVI-й сборник[3], 1-ю часть «Матери» и иллюстрации к ней.

Далее: недели через две я еду во Францию на все лето. Вопрос о возвращении в Россию решен отрицательно: против меня возбуждают обвинение в оскорблении царя, за мою статью в Венгрии по поводу 48 года[4]. Идет какая-то переписка с венграми, смысла ее я не понимаю.

На днях в английских газетах появится моя статья против русского займа в Англии — это тоже не увеличит симпатии ко мне у начальства, я думаю...

Если ты и через две недели будешь еще в Ницце — сообщи мне; где я буду жить — не решено, но где-нибудь у моря.

Пока — до свидания! Крепко жму руки...

А.

Досадно, что не удалось увидеть С[ергея] И[вановича][5], очень! У меня есть надежды на него и большие.

Что же ты не пришлешь мне протоколы второго съезда с-р? Будь добра, постарайся, право мне очень нужно их...

А рассказ мой[6] я все еще не могу кончить!

Всего доброго!

А.

---

[1] Максим Алексеевич Пешков (1897—1934) — сын А. М. и Е. П. Пешковых.

[2] Речь идет о V съезде РСДРП, состоявшемся в мае 1907 года в Лондоне. А. М. Горький присутствовал на съезде в числе делегатов с совещательным голосом.

[3] Очередной литературно-художественный сборник книгоиздательского товарищества «Знание», идейным руководителем которого был А. М. Горький.

[4] В 1907 году в венгерской печати была опубликована статья А. М. Горького, обличавшая династии Романовых и Гогенцоллернов.

[5] Гусев-Оренбургский.

[6] По-видимому, речь идет о повести «Жизнь ненужного человека».

II

[Петроград, 7 августа 1917 г.]

Хотя местожительство справедливости никому не ведомо, но — говорят — есть люди, которые встречали ее на путях жизни и вообще несомненно, что она существует, ибо наказывает. Вот я обманул тебя, не приехал в Москву и за это наказан кашлем, да — каким! Стены содрогаются.

Числа 10-го я отправляюсь в Крым, в Коктебель, где мне обещают найти комнату. Я надеюсь, что ты проживешь в Форосе достаточно долго, а я, отдохнув, явлюсь к тебе, как «снег в масле на голову», по словам русской пословицы, хотя, кажется, пословица гласит «как сыр на голову».

Здесь — духота и в прямом, и в переносном, и в несносном смысле. Такую гадкую политику развели умелые люди, что положительно нечем дышать. А земляки твои, москвичи, еще того хуже действуют. Особенно дисконтеры из патриотов или — патриоты из дисконтеров?

Не знаю, не вижу, не чувствую, что будет дальше, но и того, что сейчас имеется,— вполне достаточно для того, чтобы сделаться мизантропом.

Сейчас возвратился со станции Сиверской — это за Гатчиной,— раньше там бомбы делали, а теперь жительствует 1000 детей Союза рабочих табачных фабрик. 1000! Это — ужасно. Ты не знаешь, что такое дети петроградских рабочих, дети, которые убеждены, что корова, баран — игрушки и только, и что высшее счастье для человека — «найти хорошую работу».

Эти господа в 9 лет — премудрые старички.

Девчоночка сердитая и кривоногая — рахит — спрашивает меня:

— Ты сколько зарабатываешь? А зачем у тебя часов нету? Женатый, али с любовницей живешь?

Спросил я ее: почему она не пошла в лес, гулять? «Это деревенским по лесу шляться, там и дорог нету, все кочки».

Мудрый народ!

Очень устал я с ними. Так вот — еду в Крым. До свидания!

Привет молодому человеку *. Он, чертов сын, ни словом не ответил мне на мое поздравление.

Жму руку
А.

* М. А. Пешкову.

III

[Неаполь] 30.XII.25.

С Новым годом, мамаша! Желаю тебе помолодеть на 10, а если хочешь, то и на 15 лет.

А ты мне пожелай постареть на такую же цифру. И чтоб у меня была подагра, и чтоб я мог недвижимо сидеть в кресле, и чтобы хирагра была, дабы я лишился возможности писать. Видишь,— я не многого хочу для счастия моего.

Ну, а теперь буду ворчать.

Письмо Купчихи [1] я до сих пор не получил, ибо — как сказал мне Керженцев [2],— «не было оказии». Почему ты не послала письмо почтой? А как «Триумфы женщин»? Достали их? Пожалуйста!

За сим: нужны книжки:

Гзелль. Беседы А. Франса.

Дюамель. У истоков жизни.

Дюамель. Полуночная исповедь.

Живем благополучно. Марфа [3] — кричит диким голосом и хохочет, как Викт[ор] Шкловский. Соловей [4] воспитывает ее, Тимоша [5] гордится ею, Макс[им] с Ильей [6] ходят по кино.

У меня очень хороший бронхит. 13 дней не выхожу на улицу. Бессонница тоже хорошая. Все хорошо.

На днях были гости: Гайдарова и Гзовский [7]. Ничего себе. Но, оказалось, что Гайдарова — это мужчина, хотя кажется, тут что-то напутал Максим.

В сочельник была зажжена елка. Мне никто ничего не подарил. Впрочем — ошибаюсь: подарила Тимоша коробку для Максовых марок. Максиму бы и подарить эту коробку, но молодое поколение всегда своенравно.

Серьезных новостей — нет. Впрочем — вот одна: в «Клиническом архиве» напечатана статья Делирий М. Горького.

И даже по латыни: Delirium febrile Gorki.

М. Горький с женой Е. П. Пешковой и детьми Максимом и Катюшей. Нижний Новгород. 1903 год.
Фото М. Дмитриева.

Это новый вид сумасшествия, который, оказывается, изобрел я. О, господи, чего только я не наделал!

Что — книжку о Юлиане Отступнике не нашли?

А о Синезии?

За сим будьте здоровы, m-me. Спина болит, кашель, глаза на лоб лезут, а мне еще надо написать три письма и все три — поэтам.

Дети и внуки кланяются, хотя детей нет, уехали в город, а внука — дрыхнет.

Над моей комнатой по крыше ходит трамвай, а под потолком американский консул учится плясать чечетку.

Будь здорова и всем кланяйся.

А.

[1] Шутливое прозвище близкого друга семьи Пешковых, художницы В. М. Ходасевич.
[2] Керженцев Платон Михайлович (1881—1940) — видный советский работник, историк и журналист. В 1925—1926 годах — полпред СССР в Италии.
[3] Внучка А. М. и Е. П. Пешковых.
[4] Шутливое прозвище друга семьи Пешкова, художника И. Н. Ракицкого.
[5] Так в домашнем кругу называли Н. А. Пешкову, жену М. А. Пешкова.
[6] Сын писателя Ив. Вольнова, живший в то время в Италии.
[7] Речь идет о В. Г. Гайдарове и О. В. Гзовской, бывших артистах Московского Художественного театра.

НАШ ДРУГ ЛУ СИНЬ

Великий китайский писатель Лу Синь (1881—1936) прожил счастливую и вместе с тем горькую жизнь. Счастливую, потому что своим талантом хорошо послужил родному народу, а горькую, потому что все время подвергался преследованиям со стороны милитаристов, жил в условиях чанкайшистского террора.

Но глубокое патриотическое чувство, сыновняя любовь к китайскому народу помогали Лу Синю стойко переносить все невзгоды. Он неутомимо работал: писал художественную прозу, публицистические статьи, переводил на родной язык произведения иностранных авторов, составлял и редактировал сборники, занимался издательской деятельностью, поддерживая молодые литературные силы Китая.

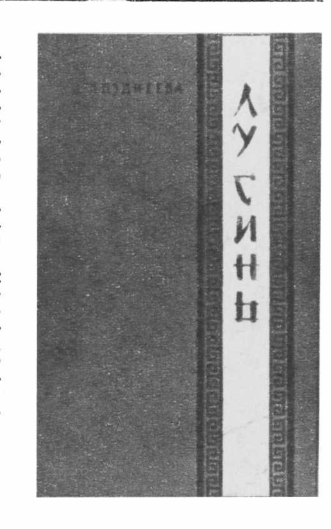
Особенно много внимания уделял он произведениям русских советских писателей: выпустил в своем переводе «Русские сказки» М. Горького, перевел «Разгром» А. Фадеева, редактировал перевод «Тихого Дона» М. Шолохова. О советских книгах Лу Синь говорил, что «они действуют потрясающе — как твердая поступь дружественной армии, идущей по необъятной целине к строительству нового».

Лу Синь не только приветствовал Октябрьскую революцию, но и стремился овладеть мировоззрением, теорией «настоящих людей», как он называл граждан Советского Союза. У писателя было много друзей среди китайских коммунистов, а в дальнейшем завязались и организационные связи с компартией. Характеризуя Лу Синя, его творчество, Мао Цзэ-дун назвал его «не только великим писателем, но и великим мыслителем и великим революционером».

Обо всем этом и о множестве других фактов из жизни и творческой деятельности китайского писателя рассказывает в своей книге «Лу Синь» доктор филологических наук Л. Позднеева. Это монография, написанная со знанием темы, проникнутая уважением и горячей симпатией к великой стране и ее верному сыну, писателю и борцу за новый Китай. Лу Синь встает перед нами как живой, во всем величии своего патриотического писательского подвига. Книга пополняет те знания о Лу Сине, которые дает четырехтомное собрание его сочинений, выпущенное Государственным издательством художественной литературы.

Вл. ВАСИЛЕНКО

Л. Позднеева. Лу Синь. Изд-во «Молодая гвардия». Москва. 1957. 287 стр.

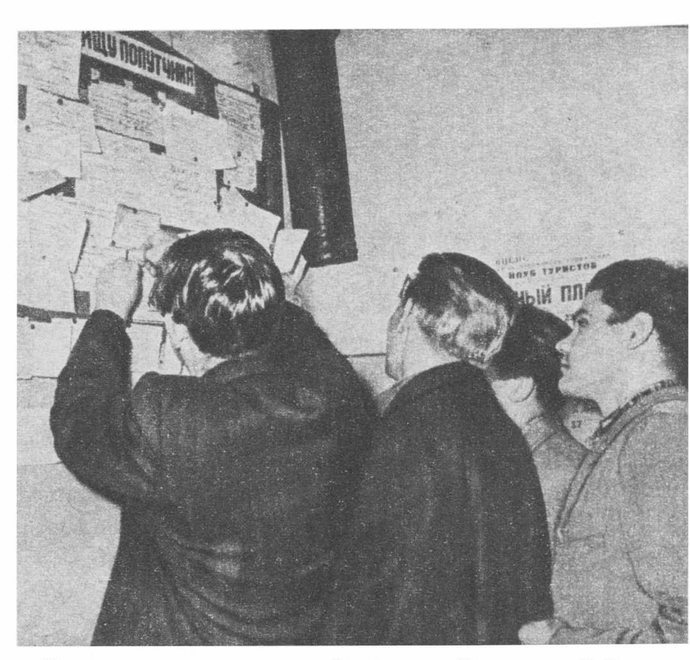


Вход всем свободен

В. БЕЛЕЦКАЯ

Фото Галины САНЬКО.

...Московский клуб туристов. Отсюда начинаются тысячи странствий. Достаточно взглянуть на доску объявлений с необычным призывом «Ищу попутчика!», чтобы убедиться в этом. Киселевы, Медовы, Тимофеевы зовут в путешествия на плотах по рекам Сибири и пешком по горам Алтая и Кавказа. Требования к попутчикам предъявляют разные. Ковалев хочет, чтобы это был человек пожилой и обязательно рыбак. Петрову, наоборот, нужны молодые ребята, а Чернышев просит только об одном: попутчик должен быть веселым.



Не так-то легко технологу Владимиру Ивановичу Рубану (крайний слева) отыскать место для своего объявления. Вместе с научным сотрудником одного из институтов Академии наук Сосиным он тоже ищет друзей для похода на байдарках. В их объявлении четко сформулированы требования к будущим попутчикам. Они должны быть: а) не сварливые, б) компанейские.

— Таких мы обязательно найдем. Кто ищет — тот всегда найдет,— улыбаясь, говорит Владимир Иванович.— С Сосиным мы в прошлом году ходили по Угре, а познакомились вот у этой же доски, по объявлению.

Сегодня тут тоже состоялось первое знакомство будущих попутчиков. Встретились участники путешествия по Мещерскому краю. В лицо они не все знали друг друга и поэтому заранее сговорились насчет опознавательного знака: в руках — газета «Литература и жизнь».

Каких только туристских рассказов не услышишь в этом клубе! Тут горячо обсуждают, как сделать плот и пользоваться палаткой, спорят, какая пленка лучше для цветных киносъемок, и бурно возмущаются по поводу того, что некоторые фабрики и заводы спускают химические отходы прямо в реки: «Рыба-то погибает!»

Особенно людно в читальном зале. Молодые, пожилые и очень пожилые люди изучают отчеты о путешествиях, карты, переводят маршруты на кальку, советуются с консультантами — словом, с чувством и толком готовятся в путь-дорогу.

Многие собираются ехать всей семьей. За столом у консультанта по горным маршрутам Александры Сергеевны Игнатенко мы застали самого молодого члена клуба, Олю Косарину. Она пришла вместе с матерью — Зинаидой Александровной: Косарины собираются в поход по Сванетии.

По пятницам на прокатном пункте клуба можно получить рюкзаки, палатки, ведра, штурмовки — словом, все то, что необходимо туристам. Но иногда бывает, что палаток и рюкзаков не хватает всем желающим, и тогда начинается «штурм» кабинета директора клуба Михаила Романовича Злацына.

Суббота — день сборов. В обеденный перерыв в типографии издательства «Молодая гвардия» около старейшего туриста Николая Михайловича Губанова собралась молодежь. В какой поход поведет их сегодня инструктор и по производству и по туризму?

А на другом конце Москвы молодой строитель Юра Медов (второй слева) вместе с друзьями уже укладывает в рюкзак продукты. Мать явно не одобряет этой страсти своего «Юрки-туриста».

— Неужели хоть одно воскресенье нельзя остаться дома! — сердится она.

В дни, когда в других клубах бывает особенно людно — в субботу и в воскресенье, — московский клуб туристов закрыт. Зато филиалы его работают на вокзалах столицы.

Самый оживленный вагон во всех поездах, отправляющихся в Подмосковье в субботу и воскресенье,— третий от паровоза. В нем едут туристы. Так уж как-то само собой установилось. А может, действительно стоит официально закрепить этот вагон за туристами? Так и написать: «Вагон для туристов».

В субботу и в воскресенье у речек и озер Подмосковья вырастают парусиновые палатки и зажигаются костры. Если недавно прошел дождь и путешественники промокли, начинается традиционный танец вокруг костра.

— Подсаживайтесь к костру. К нам вход всем свободен, всем, кто любит природу и путешествия! — приветливо сказала нам копировщица Наташа Титова.

И показалось, что вслед за Наташей это повторили все, кто сейчас поднимается в горы, плывет на плотах, пробирается по тайге: «Идите к нам! В горы и леса вход всем свободен, всем, кто любит природу и путешествия!»

Поэт-песнетворец

Исполнилось шестьдесят лет со дня рождения Василия Ивановича Лебедева-Кумача (1898—1949). Множество советских людей с гордостью и любовью произносят имя поэта-патриота, заслужившего своими звонкими песнями подлинно народное признание.

С этим именем связано у нас много воспоминаний о больших делах нашего народа, нашедших свое воплощение в простых, сердечных, трогательно-точных песенных строфах поэта.

Лебедев-Кумач в дни решающих трудовых побед был первым, кто принес строителям социализма песню веселую, от которой «легко на сердце».

Это он нашел для молодых героев труда крылатые слова, подхваченные доблестной юностью нашей Отчизны:

Шагай вперед, комсомольское племя,
Шути и пой, чтоб улыбки цвели!
Мы покоряем пространство и время,
Мы — молодые хозяева земли...
Мы все добудем, поймем и откроем,
Холодный полюс и свод голубой!
Когда страна быть прикажет героем,
У нас героем становится любой.

Разве не звучат эти слова так, словно написаны они сегодня, в дни и месяцы вращения вокруг Земли третьего советского спутника?..

А ведь написаны они в 1934 году!

В. И. Лебедев-Кумач умер почти десять лет тому назад. Но сегодня, как и прежде, встречая трудовое утро Родины, в позывных радиоаккордах музыки И. О. Дунаевского нам слышится знакомый живой голос поэта:

Широка страна моя родная!

И, вторя ему, голосу чистого поэтического сердца, каждый поет и повторяет строки, насыщенные вечной свежестью и волнением:

Я другой такой страны не знаю,
Где так вольно дышит человек!

В лучших своих песнях о любимой нашей Родине, о ее молодости и о молодежи, о солдатах, моряках и летчиках, о стариках и детях, о настоящем и будущем продолжает жить Лебедев-Кумач, поэт-коммунист, поэт — борец за народное дело...

Александр ЖАРОВ

Лечебницы на колесах

Врач-рентгенолог Т. А. Архипова и медицинская сестра Н. Д. Коханеева в передвижном рентгенофлюорографическом кабинете.

Фото автора.

На сотни километров тянутся стальные пути Донецкой железной дороги. Многие железнодорожники живут и работают вдали от городов и крупных населенных пунктов. Для оказания им медицинской помощи по дороге курсируют передвижные учреждения врачебно-санитарной службы: женская и детская консультации, лаборатории гигиены труда, санитарно-бактериологическая. Недавно отправился в свой первый рейс рентгенофлюорографический и зубоврачебный кабинеты.

Лечебницы на колесах оснащены по последнему слову медицинской техники. Работают здесь опытные врачи.

Б. АКСЕЛЬРАД

Партизанская медаль

Известно, что в белорусских партизанских районах и соединениях имелись больницы, печатались газеты, ребятишки занимались в школах... Но вот недавно привелось узнать, что были и такие партизанские бригады, которые учредили свои медали и почетные грамоты.

Председатель колхоза имени Янки Купалы, Радошковичского района, А. В. Романов в годы войны командовал партизанской бригадой. Она возникла на Витебщине из отряда и, мужая в боях, провела много смелых операций, расширив район своих действий на Молодечненскую область.

Готовясь к встрече с частями Советской Армии и подводя итоги партизанской работы, решили отметить лучших бойцов и командиров своими партизанскими грамотами и медалями, изготовленными местными умельцами.

Вот она, эта редкая — всего пятьдесят человек удостоены ее — медаль из серебра, с немудреной, самодельной чеканкой, неоценимо дорогая и неповторимая.

Среди кавалеров этой медали — первый секретарь Брестского обкома партии П. М. Машеров, инженер Дуниловичской МТС И. В. Лысов, заведующий кафедрой электроэнергетики одного из ленинградских вузов доцент Б. Л. Айзенберг, партийные работники Г. И. Казарцев, Ш. Н. Нигамаев, В. Н. Дорменев и другие.

В. ПОНОМАРЕВ

Лицевая сторона партизанской медали.

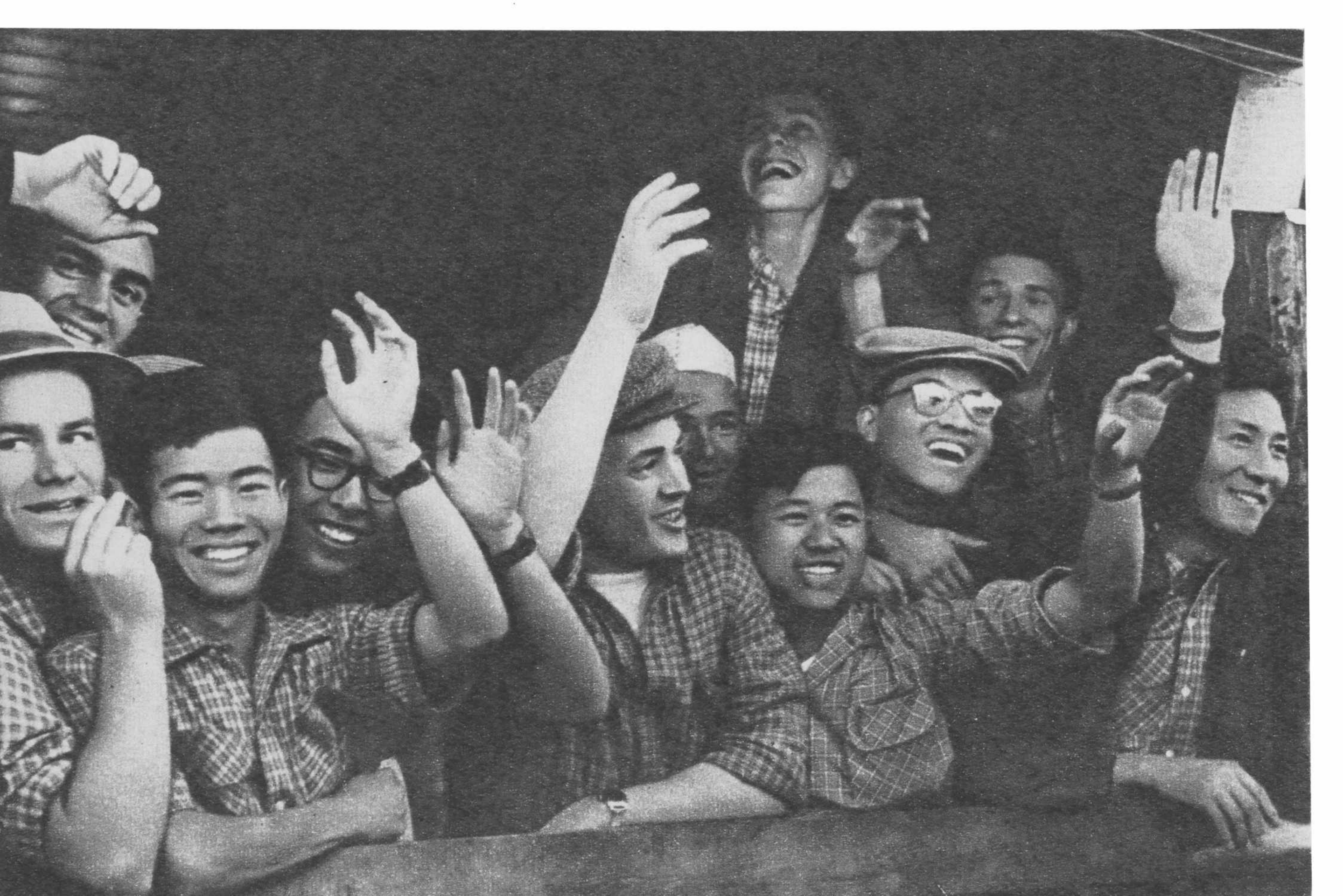
После выступления «Огонька».

«Сто пятьдесят экспертов»

В № 26 «Огонька» был напечатан репортаж «Сто пятьдесят экспертов». Там говорилось, в частности, что артель «Имени 4-й пятилетки» (Харьков) выпускает недоброкачественные детские губные гармошки.

Председатель правления этой артели тов. Орлов сообщает, что выступление журнала обсуждалось на заседании партбюро, производственно-техническом совещании и на цеховых собраниях. Виновные в выпуске брака освобождены от работы, намечены и уже осуществляются меры по улучшению качества гармошек.

О тех же губных гармошках пишет нам директор республиканской торгово-закупочной базы «Укрунивермага» тов. Л. Сигал. Он признает, что гармошки были посланы в Москву без необходимой проверки. Это обсуждено на широком совещании работников базы. Теперь разработан такой порядок отгрузки товаров широкого потребления, который исключает возможность проникновения бракованных изделий на прилавки магазинов.



Вместе с советскими студентами

Новые группы московской молодежи направляются на целинные земли убирать обильный урожай. Вместе с советскими студентами на целину едут и студенты стран народной демократии, занимающиеся в московских вузах.

На снимке: группа китайских и советских студентов Московского энергетического института перед отходом эшелона на восток.

Фото Я. Рюмкина.

И. Е. Репин. 1844—1930. ПО СЛЕДУ. 1881 год.

Куйбышевский городской художественный музей.

В. Д. Орловский. 1842—1914. ПЕЙЗАЖ. 1870 год.

Куйбышевский городской художественный музей.

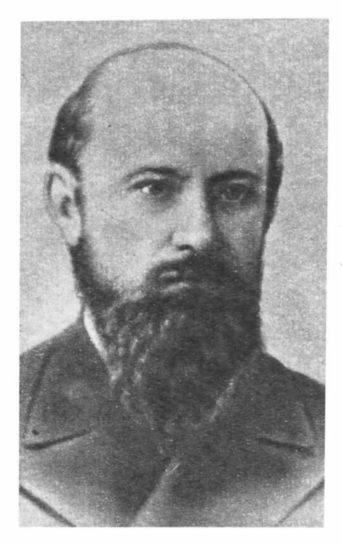
В. Е. Маковский. 1846—1920. ДВЕ МАТЕРИ. 1905—1906 годы.

Куйбышевский городской художественный музей.

И. И. Ендогуров. 1861—1898. МОРСКОЙ ЗАЛИВ.

Куйбышевский городской художественный музей.

ДОБРАЯ ПАМЯТЬ



М. М. Филиппов.

Несколько лет назад мы были в небольшом деревянном домике на одной из тихих улиц Калуги. Перебирая книги, расставленные в небольшом шкафу, мы обратили внимание на выцветшую от времени надпись на одной из брошюр: «Прошу хранить, как зеницу ока, ибо это единственный экземпляр, вырванный мною из журнала. К. Ц.». Чуть пониже тем же характерным почерком было добавлено: «...я благодарен Филиппову, ибо он один решился издать мою работу. К. Циолковский».

Эту надпись сделал Константин Эдуардович на своей статье «Исследование мировых пространств реактивными приборами», напечатанной в 1903 году журналом «Научное Обозрение», выходившим под редакцией М. М. Филиппова.

Это лишь один из эпизодов той упорной борьбы за победу передовых научных идей, которую на протяжении всей жизни вел Михаил Михайлович Филиппов. Недаром гениальный русский химик Д. И. Менделеев в одном из своих писем отмечал, что Филиппов «...оставил по себе добрую память у всех, кто его знал».

Исполнилось 100 лет со дня рождения М. М. Филиппова, замечательного человека и ученого, популяризатора и пропагандиста научных знаний.

Михаил Михайлович родился в Киевской губернии, в семье литератора. Отец его сотрудничал в прогрессивном журнале «Современник», редактором которого был в то время Н. А. Некрасов.

Еще со студенческой скамьи Михаил Михайлович начал заниматься научной и литературной деятельностью. Он окончил юридический и математический факультеты университета, а позднее защитил докторскую диссертацию по высшей математике.

В 1885 году в статье «Посмертный труд Карла Маркса» Филиппов впервые в русской печати дал подробный анализ II тома «Капитала». Он был одним из переводчиков и пропагандистов сочинений Ч. Дарвина в России.

В 1894 году Филиппов основывает журнал «Научное Обозрение» и привлекает к сотрудничеству передовых людей того времени и виднейших русских ученых: Д. И. Менделеева, Н. Н. и А. Н. Бекетовых, А. О. Ковалевского, И. И. Мечникова, Н. Е. Введенского, Н. А. Умова. В журнале печатаются труды К. Маркса, Ф. Энгельса, Г. В. Плеханова.

В. И. Ленин опубликовал в «Научном Обозрении» свои работы: «Заметка к вопросу о теории рынков», «Некритическая критика», «Еще к вопросу о теории реализации».

Прогрессивная и научная деятельность М. М. Филиппова не могла остаться незамеченной департаментом полиции. На него завели «дело». В архиве нами обнаружен специальный доклад о нем, составленный вице-директором департамента полиции Зволянским. В этом обширном документе, написанном главным образом на основании донесений шпиков, подробно перечисляются все антиправительственные выступления М. М. Филиппова, в частности речь, произнесенная на публичном собрании весной 1899 года, в разгар студенческих беспорядков. Речь эта, как отмечает полиция, дышала «злобой и ненавистью к правительству». М. М. Филиппову инкриминировалось и то, что он публично поднял тост за Чернышевского.

Характеризуя направление «Научно - энциклопедического словаря», выходившего под редакцией Филиппова, Зволянский подчеркивал, что этот словарь «...должно было бы назвать «социалистическим», так как в нем особенно подробно и тщательно разработаны термины и библиографические указания, касающиеся социализма».

Царское правительство выслало Филиппова из Петербурга, лишив его на три года права жительства в университетских центрах. На время ему пришлось перенести свою научную и редакционную деятельность в Териоки.

Много энергии уделял Филиппов экспериментальной работе в области физики и пирохимии. Его исследованиями интересовался М. Горький. Он хорошо знал ученого еще с конца 90-х годов.

Из письма Л. Андреева к М. Горькому, перехваченного полицией, видно, что крылатое имя «Буревестник» впервые дал Горькому Филиппов. Об опытах Филиппова Алексей Максимович рассказал в «Беседах о ремесле»: «...в текущем году (1930 год.— Г. М.) Маркони передал по воздуху электроток из Генуи в Австралию и зажег там электрические лампы на выставке в Сиднее. Это же было сделано двадцать семь лет тому назад у нас литератором и ученым М. М. Филипповым, который несколько лет работал над передачей электротока по воздуху и в конце концов зажег из Петербурга люстру в Царском Селе. На этот факт не было обращено должного внимания, Филиппова через несколько дней нашли в его квартире мертвым, аппараты и бумаги его арестовала полиция».

Это было в июне 1903 года. Большой ученый и большой человек погиб на посту, проводя опыты, результаты которых предполагал использовать для блага своей страны.

Ценнейшие для науки записи экспериментов Филиппова, которые вывезли жандармы, к сожалению, обнаружить не удалось до сих пор.

Научный сотрудник Института истории естествознания и техники Академии наук СССР
Г. МЕНДЕЛЕВИЧ

Для новых телецентров

Отгрузка монтажных элементов телевизионной башни на Челябинском заводе металлоконструкций.
Фото А. Ходова.

Кран подхватил легкую призматическую конструкцию и осторожно опустил ее на платформу. Вскоре такими «призмами» уже был загружен весь железнодорожный состав. Это элементы телевизионной башни, которая будет собрана и установлена в городе Ульяновске.

Башни для новых телевизионных центров страны сооружает Челябинский завод металлоконструкций имени Серго Орджоникидзе. Десятки таких башен высотой в шестидесятиэтажный дом каждая установлены во многих городах страны.

— Какие заказы выполняет сейчас завод? — поинтересовались мы у главного инженера А. А. Абаринова.

— В прошлом году мы закончили изготовление телевизионных башен для трех крупных уральских центров — Уфы, Челябинска и Перми. В Перми уже состоялись первые телепередачи. Начал опытные передачи телецентр и в нашем Челябинске. Недавно мы выполнили заказы еще для двух уральских городов — Магнитогорска и Салавата — и теперь производим башни для телецентров Брянска и Йошкар-Олы.

Завод делает не только башни для крупных телецентров, но и серии промежуточных опор для радиорелейных линий, которые свяжут многие города страны. Недавно выполнен заказ для радиорелейной линии Орша — Витебск и начато изготовление опор, которые соединят телецентры Челябинска и Кустаная, а также столицу Башкирии Уфу и город башкирских нефтяников Салават.

Башни для телецентров, изготовляемые челябинским заводом,— это ажурные пирамидальные сооружения высотой в 180 метров. Вес каждой —222 тонны. Она собирается из 1 372 монтажных элементов и узлов и состоит более чем из 10 тысяч деталей. Для отправки одной такой башни требуется 17 железнодорожных платформ.

А. ГРИГОРЬЕВ

Больше фруктов советским людям!

«Красный садовод» претендует на премию

Идут в сады.

Есть такой колхоз в Молдавии, «Фруктовый Донбасс». А когда поездишь по всей этой цветущей республике, то придешь к выводу, что всю Молдавию можно назвать именно так. Виноградники и сады! Кажется, что нет им ни конца, ни края, и тянутся они широкой, бесконечной лентой.

Когда мы попросили знатоков молдавских садов назвать нам колхоз, который мог бы претендовать на первые места в соревновании на премии и дипломы «Огонька», нам ответили не сразу. Пришлось перебрать в памяти немало колхозов, сравнить их друг с другом, прежде чем принять окончательное решение: надо вам побывать в колхозе «Красный садовод», Бендерского района.

...Было уж поздно, когда мы подъехали к правлению этого колхоза. Здесь и познакомились с главным агрономом М. С. Николаенко.

— Может, сегодня прямо и в сады? — спросил он. Но, взглянув на красный закат, добавил: — Только вот солнце нам не попутчик. Значит, завтра.

«Красный садовод» лежит на правом берегу Днестра. Колхоз организовался здесь только восемь лет назад. Артели достались в наследство сады старые, запущенные. Груша рядом с яблоней, тут же и слива разбрасывала свои плоды. И началась трудная, долгая работа — реконструкция садов. Выкорчевывались старые деревья, вытягивались ленточные плантажи новых саженцев.

По дороге мы встретили девчат, которых вы видите на снимке.

— Куда путь держите?

— Машину хотим получить... «ГАЗ-69».

Отвечают и смеются.

— В сады идем. На работу. На первую премию «Огонька» целимся,— шутят девушки.

— Цыплят по осени считают. Не спеши,— сдержанно замечает кто-то из девушек.

Впрочем, уже сейчас придет агроном в сады, посмотрит опытным взглядом на плоды и прикинет на центнеры урожай. Говорят, нынче он будет большой.

Есть у «Красного садовода» еще один «козырь». Славится колхоз молодыми посадками и особенно посадками деревьев на карликовых подвоях. Здесь их более чем 200 гектаров.

Матвей Степанович Николаенко привел нас в эти сады. Маленькие, косолапые, точно игрушечные деревья с очень пушистой кроной. Дарят они свои плоды уже на четвертый — пятый год.

А чуть дальше другие сады. Здесь деревья на карликовых подвоях выполняют роль уплотнителей.

Уплотнители,— быть может, это не сразу понятно. Вот что рассказал нам о них агроном:

— Лет десять надо ждать, пока высокорослое дерево начнет плодоносить, а тем временем по соседству пристраивается вот этот малыш. Четвертый год — и первый урожай. И так много лет щедро будут давать они плоды, пока большое дерево не вступит в свои права...

Н. ТАРАСЕНКОВА

Фото Р. Лихач.

Главный агроном колхоза М.С. Николаенко в садах на карликовых подвоях.

Во дворе завода «Красное Сормово». Артисты Театра оперы и балета имени А. С. Пушкина исполняют отрывки из оперы «Мать».

Симфонический оркестр

И. ВЕРШИНИНА
И. ТУНКЕЛЬ

ТЕАТРАЛЬНОЕ

Лето — горячая пора для театров: гастроли в другие города, республики, поездки на целинные земли. Немало работы и у себя в городе. Репетиции, спектакли, выезды в колхозы, на заводы, в пионерские лагеря, выступления в парках, на летних площадках.

Мы рассказываем о театральной жизни одного города — города Горького — в один летний день...

Издали этот автобус ничем не отличался от других, идущих по мосту, но все, кто оказывался вблизи, невольно оборачивались и пытались заглянуть в его раскрытые окна. Оттуда неслись странные звуки. «Ми», «ми», «ми»,— старательно выводил хорошо поставленный низкий женский голос. «Лиза», «Лиза»,— подхватывал другой. Им вторили баритон и бас, и на дороге звучал этот нигде и никем не написанный своеобразный вокальный квартет.

Артисты Театра оперы и балета имени Пушкина ехали в Сормово на концерт, а так как время было раннее, девять утра, распеваться приходилось дорогой.

— Смотрите, смотрите, прямо наша декорация первого акта,— прервала пение Ирина Малинина.— Этот маленький деревянный домик совсем как у нас на сцене.

Но само Сормово было совсем не то, которое описал Горький в своей повести и которое воссоздали на сцене оперного театра режиссер А. Бакалейников и художник В. Мазанов в опере Т. Хренникова «Мать». Всюду возвышались огромные жилые здания, рядом с ними маленькие домишки казались музейными экспонатами. И уже совсем непохожим на декорацию в спектакле был двор завода «Красное Сормово» — высоченные корпуса цехов, чистота, зелень.

В обеденный перерыв возле одного из цехов начался концерт: исполнители ведущих партий в опере «Мать» давали отрывки из спектакля. И хотя все они были без грима и костюмов, музыка и талантливое исполнение захватили слушателей.

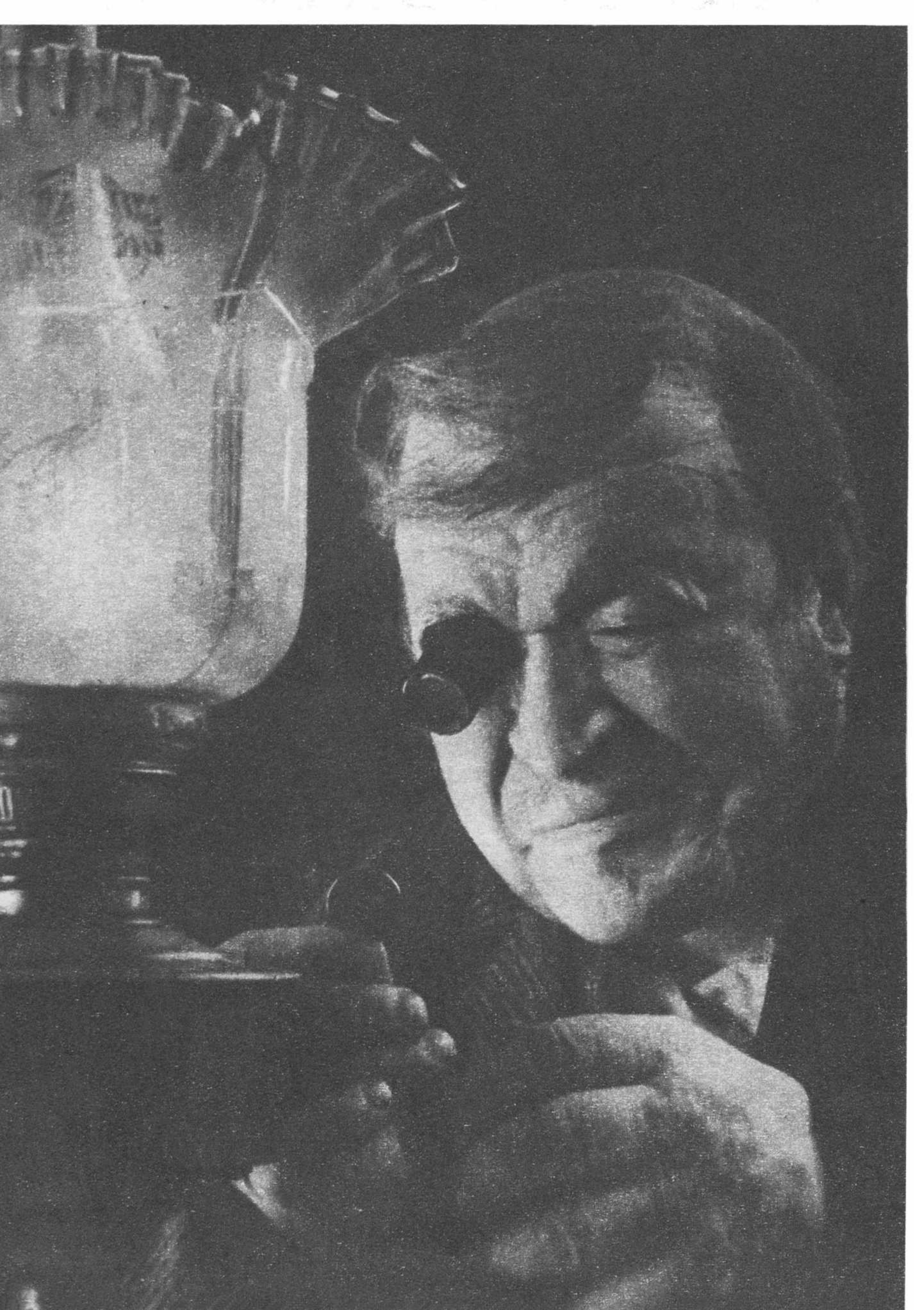
Довольные и какие-то возбужденные возвращались участники концерта. Говорили все вместе, у каждого возникали свои воспоминания, свои ассоциации.

Мария Львовна Чиненкова, которая пела Ниловну, рассказывала, что в юности была точильщицей на заводе в Павлове, неподалеку от Горького. Заговорили о заводской жизни, работе, быте... Александр Сакулин (он играл Весовщикова) вспомнил Урал, небольшой рабочий городок, где он работал на заводе машинистом крана. Константин Лосев (Павел Власов) рассказывал друзьям, что его отец был одним из первых строителей Горьковского автозавода. Поэтому по окончании Московской консерватории Костю и потянуло сюда.

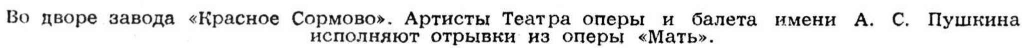
Автобус медленно поднимался в гору. Вдруг кто-то окликнул сидевшего у окна Лосева: «Откуда?» «Из Сормова! А вы?» «Вверх по Волге, в Городец»,— донеслось уже на лету, и повстречавшаяся машина помчалась дальше, к причалам.

Оркестр на пароходе

На пароходике, отходящем сейчас в сторону Городца, одиночных пассажиров почти не было — только пионеры ехали в летний лагерь да Горьковский симфонический оркестр на концерт. Не успел пароход отчалить, как все почувствовали себя как дома. Ребят увлекало путешествие по Вол-



Спектакль театра Драмы имени М. Горького «Фальшивая монета». Слева направо: Яковлев — народный артист РСФСР Н. Левкоев, Полина — Э. Суслова, Лузгин — народный артист РСФСР В. Соколовский.



снова отправился в путь.

Окончился спектакль «Мещане» ТЮЗа имени Н. К. Крупской.

ЛЕТО

ге, а оркестранты за последнее время столько находились в плавании, что стали считать себя заправскими моряками.

Летом 1957 года этот оркестр на пароходе «Радищев» в полном составе отправился в длительный рейс по волжским городам. Сорок пять дней длились эти гастроли. Исполняли Бетховена, Чайковского, Рахманинова, Шостаковича, Хренникова. В концертах принимали участие Э. Гилельс, К. Кондрашин, И. Петров. А сколько поездок совершил этот коллектив по окрестностям Горького! Кажется, нет такого населенного пункта на Волге, где бы он не побывал!

Навстречу зрителю

Но симфонический оркестр не исключение среди горьковских коллективов. На автобусах, пароходах, поездах и даже на самолетах едут артисты навстречу зрителю.

Актеры ТЮЗа побывали зимой в районе, расположенном вдали от железной дороги. Энтузиастам приходилось добираться то на самолете, то на лошадях, но трудности не останавливали — заманчиво было побывать в местах, куда никогда не приезжал театр.

Театр Драмы имени Горького в этом году в селе Лыскове основал свой филиал. Колхозники и сами охотно приезжают в город на спектакли семьями, бригадами, а то и коллективно, чуть ли не всей артелью...

Но это больше зимой. Летом, когда в деревне самая страда, театры едут в колхозные клубы.

Здесь начало представления определяют не стрелки часов. «Стадо пригнали,— сказала, войдя в большую гримерную клуба колхоза «Искра», актриса Луговая,— пора начинать гримироваться. Через час народ освободится». Признаки оказались верными. Действительно, через час народ гурьбой повалил в клуб: Театр юного зрителя имени Н. К. Крупской начал спектакль «Мещане». Несмотря на позднее время, актеры играли с воодушевлением, зная, что зрители пришли после проведенного в поле горячего и долгого летнего трудового дня и что их может взволновать сейчас только настоящее искусство.

Поздно кончился спектакль. И все же никто не спешил по домам. Актеров благодарили, преподносили огромные букеты.

Медленно шли машины по проселочной дороге. Актеры беседовали о завтрашних репетициях, о театральных городских новостях. Мы узнали, что Театр комедии гастролирует во Владимире, а Кукольный ездит по пионерским лагерям.

— А наш старейший театр — драматический — собирается в Киров, а пока играет у себя на стационаре.

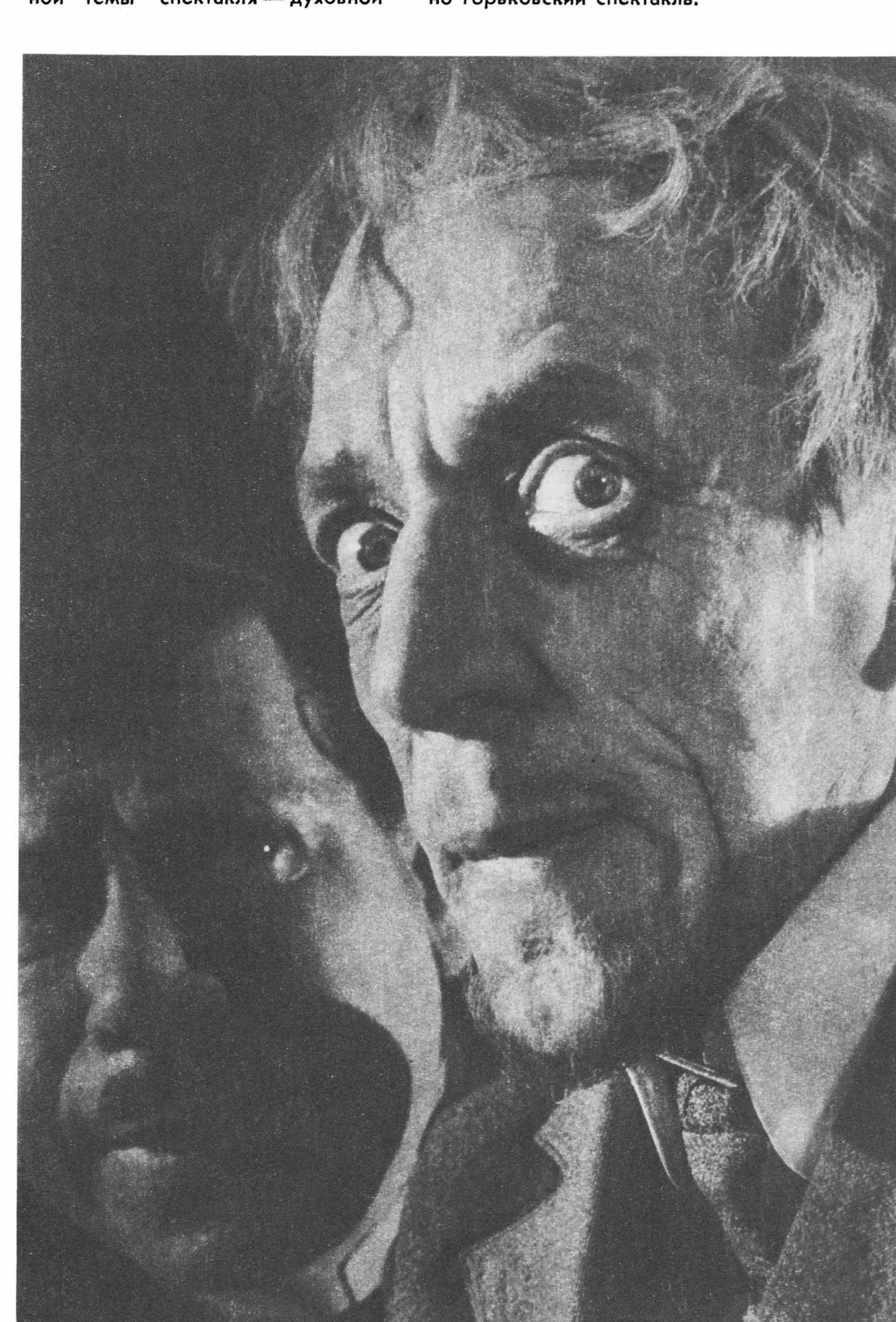
Горьковский спектакль

Пьесу Горького «Фальшивая монета», над которой драматический театр работал, долгое время считали непонятной и несценичной и очень редко ставили. Горьковский театр Драмы, за полвека сыгравший почти все пьесы своего великого земляка, рискнул ее подготовить. Он играл «Фальшивую монету» на фестивале горьковских спектаклей, который состоялся весной на родине писателя. По единодушному признанию, эту постановку следовало считать в одном ряду с крупнейшими достижениями советского театра.

В спектакле заняты популярные актеры, но зритель не сразу узнает их. В мрачном, неуютном домишке, искусно построенном на сцене художником К. И. Ивановым, живут своей жалкой жизнью отвратительные и мелкие люди, корыстолюбивые и фальшивые. И в этом смраде фальши и обмана гибнут честные, чистые, глубокие души горьковских героинь Полины и Наташи. Кроме основной темы спектакля — духовной гибели людей в обществе, где поклоняются одному богу — монете, — постановщик режиссер М. Гершт раскрыл и вторую, неизбежно отсюда вытекающую тему — одиночество.

Здесь нет ни настоящей дружбы, ни любви, ни привязанности. Даже родственные, семейные узы — все лживо, фальшиво, формально. Тут каждый живет своей жизнью, лжет или прячется, замыкаясь в себе. Поэтому так беззащитно и обреченно чувствует себя Полина, поэтому так мерзко и душно здесь Наташе.

В этом спектакле трудно говорить об отдельных актерах, их исполнении, об удачах и неудачах. Горьковчане создали подлинно горьковский спектакль.



Друзья — соперники

Е. ЛОГИНОВА

Закончился спектакль «Антоний и Клеопатра». Последний раз под всплески аплодисментов вышли на авансцену Каарел Карм — Антоний, Антс Эскола — Цезарь. Рядом встала царственная египтянка (Айно Тальви), чья власть над сердцем мужчины, став легендой, пережила века.

Сценическая история «Антония и Клеопатры» совсем невелика. Играли Клеопатру Элеонора Дузе, Вера Юренева, Алиса Коонен. Их партнеров, исполнителей ролей Антония и Цезаря, по существу, заслонил образ «женщины из женщин». Так могло бы быть и сейчас: выдающаяся артистка эстонской сцены Айно Тальви сыграла Клеопатру с большим художественным тактом и чувством меры. Не столь уж часто достаются нашим артисткам такие богатые красками и оттенками роли!

«Антоний и Клеопатра» в Эстонском театре драмы имени В. Кингисеппа. Помпей — заслуженный деятель искусств ЭССР Ильмар Таммур; Лепид — заслуженный артист ЭССР Альфред Ребане; Цезарь — народный артист ЭССР Антс Эскола; Антоний — народный артист СССР Каарел Карм.

Фото Карла Ораса.

Полузабытая режиссерами и актерами шекспировская драма, глубоко и по-своему понятая Эстонским театром драмы имени В. Кингисеппа (режиссер Ильмар Таммур), получила новую жизнь. Мы как бы заново прочитали эту трагедию, наблюдая на сцене эстонского театра историю страстной любви Антония, увидев Цезаря, жестокого и бездушного, хитрого и дальновидного, настоящего римлянина той поры, когда его держава пробивалась к мировому господству. Два этих образа, борьба между ними, временное их братство и смертельная их схватка — в центре спектакля, который все время держит вас в напряжении.

Два тысячелетия отделяют от нас эту эпоху. Но театр заставил современного зрителя «новыми очами» взглянуть на образы далеких веков. Особенно многогранным предстал характер Антония в исполнении Каарела Карма. Это немолодой, суровой внешности воин; любовь захватила его, как вихрь, перевернула какие-то пласты в душе. Он стал богаче, человечнее в этом мире чувства. Но еще не ушло сознание: родина его — Рим. Антоний снова среди триумвиров, снова делает все, чтобы отстоять завоевания империи, хотя теперь многое он понимает по-другому. Его зовут оружием усмирять республиканца Помпея? Но ведь Помпею он, Антоний, стольким обязан!.. Триумвират хочет, наконец, получить богатства «покоренного» Египта? Но ведь египтяне ни в чем не повинны, и именно у них он нашел новую жизнь! Развертываются все новые военные кампании, Антоний бьется «за Рим», но к власти идет Цезарь. И это все — родина?

Эти раздумья Антония почти не высказаны вслух, но мы ощущаем их в каждой сцене, во взглядах и жестах артиста. И вот он уже во главе египетских воинов, и бой идет против Рима и цезаризма, за Египет, за любимую женщину. Одержана первая победа, и как горд ею Антоний — Карм, как широко и вольно дышится ему сейчас! За спиной его войск ликующая Александрия. «Вам будут кровь смывать слезами счастья и раны поцелуями лечить»,— говорит Антоний — Карм своим соратникам. А впереди уже маячит другой день, который принесет гибель всему, что его окрыляло.

...Наш разговор в театре вокруг главных героев спектакля начался тоже с самого главного.

— Если хотите, мы все немножко спорим здесь то с одной, то с другой традицией,— сказал Антс Эскола.— Мой Цезарь — символ неумолимости римской военной машины. Но и у него в душе есть святыни — нежная любовь к сестре, уважение к Антонию: «Полмира заключало это имя!..»

Каарел Карм, начав рассказывать о себе, подхватил эту же тему:

— В моем «репертуарном списке» три сложнейшие шекспировские роли, не считая других образов его драматургии, не потребовавших от меня стольких усилий: Гамлет, Отелло, Антоний. Может, это покажется ересью, но при всей разности их судеб и характеров я играл в этих спектаклях «братьев по духу». Разве не «восстал» каждый из них против своего века? И мой Антоний — недавний завоеватель-колонизатор, он свою последнюю войну повел против угнетателя — Рима. Стало уже традицией играть эту трагедию, как «измену долгу во имя чувства». Мне казалось правильнее показать сознательный выбор ума и сердца моего героя.

— Мы давние друзья, хотя на сцене не раз приходилось враждовать,— говорят затем, смеясь, Эскола и Карм.— Судите сами! Дружба завязалась с детских лет. Школьные годы прошли в Таллине. Вместе попали в Художественное училище, вместе увлеклись живописью и графикой. Была и третья любовь — театр: еще учениками играли в школьных спектаклях.

Однажды юноши увидели объявление: «Театр «Эстония» проводит конкурс молодых исполнителей». «Попробуем?» — сказал более решительный Антс. Эта проба решила все, и с тех пор пошла трудная жизнь начинающего актера, который учился в буржуазной тогда Эстонии на ходу, изредка получая маленькие роли. Театр «Эстония» в 30-е годы был комбинатом: опера, балет и оперетта, комедия и драма. В каждом жанре время от времени молодые артисты пробовали силы.

Народный артист республики Антс Эскола, недавно отметивший 35-летие работы на сцене, рассказывает:

— Играл простаков в оперетте и, кажется, с успехом, дебютировал и в балете. Но только тогда был признан как «настоящий актер», когда сыграл Хлестакова.

— Ну, а моя первая заметная роль была скромнее,— усмехается Каарел Карм, ныне народный артист СССР,— сыграл сезонного рабочего, или, как у нас тогда говорили, «кравихалле» — «серого, из канавы». Показать в нем маленького человека, который нисколько не хуже тогдашнего буржуазного зрителя,— вот что меня привлекало! Ну, а потом играл горьковского Нила и очень полюбил его.

С шекспировской драматургией Театр имени Кингисеппа познакомился давно, переиграли многое. А поставив «Антония и Клеопатру», стали мечтать о постановке «Ричарда III». Такой размах характерен для коллектива, тяготеющего к монументальности, к драме сильных характеров и страстей. И так уж повелось, что друзьям достаются сплошь и рядом роли-«антиподы». Когда Каарелу Карму поручили роль Отелло и он сыграл ее с блеском, утвердив за собой ведущие образы у Шекспира, Антс Эскола играл с большим темпераментом роль честолюбца Яго.

Совсем недавно кингисепповцы поставили драматическую поэму «Дон Карлос» Ф. Шиллера. Антс Эскола играет молодого принца, рвущегося из пут средневековья, разделяющего вольнолюбие своего друга Позы. Каарел Карм выступает в роли короля Филиппа. Это — воплощение деспотизма, нависшего над Испанией и покоренными ею странами. Старый король — деспот и в семье, с сыном суров и холоден с детства.

Образ дона Карлоса ясен с начала до конца: это сама молодость, горячая, доверчивая, необузданная. И таким и играет его А. Эскола. Его Карлос, гибкий и подвижной, отзывается на все, как натянутая струна. С Филиппом все сложнее. Каарел Карм ищет в деспоте-короле, опутанном происками католической церкви и властолюбцев-вельмож, человеческие черты. И находит их в пробуждающейся привязанности к своему сыну и к благородному Позе, так непохожих на окружение короля. Вера в человека зажигается в сердце старого властителя, уставшего от интриг, заговоров и козней. И опять происходит «чудо»: страдания человека начинают пленять зрителя в короле.

Так замысел великого поэта-бунтаря: инквизицию «пригвоздить к позорному столбу», добиться того, чтобы ей «меч трагедии вонзился в самое сердце»,— получает в спектакле кингисепповцев свое решение. Тирания и мракобесие обречены, они падут, когда зазвучит голос светлого человеческого разума,— вот тема постановки, и так она и воспринята...

Было бы несправедливостью не отметить того, что умение искать и выделять главное в роли, в содержании и в подтексте пьесы составляет особенность не только этих двух актеров. Такова сильная сторона большинства постановок коллектива кингисепповцев.

Узнать этот театр — значит полюбить его.

Медная пуговица

Роман

Лев ОВАЛОВ

Рисунки П. КАРАЧЕНЦОВА.

13. ЖОНГЛЕР НА ЛОШАДИ

Не стоит подробно рассказывать, как мы с Железновым работали над тем, чтобы дешифровать список Блейка. Лишь постепенно все эти фиалки и ландыши стали превращаться в реальных людей, имеющих определенные адреса и профессии.

Железнов согласился со мной, когда я высказал гипотезу о тождестве цветов и агентов Блейка; впрочем, это не было гипотезой, это было очевидно. Теперь следовало узнать адрес Озолса, а может быть, собрать и еще какие-то дополнительные данные для того, чтобы с помощью этих сведений найти и других людей, перечисленных в списке.

Железнов взялся это сделать через товарищей, с которыми был связан, но для этого требовалось, конечно, время.

Неожиданно на помощь пришла Янковская. Она заезжала ко мне обычно или поздно утром, или под вечер, а иногда даже два раза в день; она все время держала меня в поле своего зрения.

В день посещения Озолса она появилась под вечер, хотя ее позднее появление не означало, что она не была осведомлена о визите «Незабудки». Она следила за мной и вследствие профессиональной наблюдательности по незначительным деталям, обрывкам слов и незаметным вопросам создавала правильное представление о моем времяпрепровождении.

Она вошла, села, закурила, с любопытством взглянула на меня, ожидая, что́ я скажу, но я молчал, и она первой нарушила молчание:

— Был?

— Кто?

— Тот, кто должен был к вам явиться.

Не было нужды прятать от нее Озолса, наоборот, она могла помочь обнаружить и других агентов Блейка.

— Был.

— Кто он?

— Некий Озолс, ветеринарный врач.

Она сама достала список и нашла в нем Озолса.

— Вы узнали о нем какие-нибудь подробности?

— Да, его кличка — «Незабудка».

Я показал ей открытку с незабудками и познакомил со своей догадкой.

Ей понравились цветочные псевдонимы. Она оживилась и утвердительно кивнула.

— Вы не узнали его адреса?

— Это могло вызвать подозрения.

— Правильно. По-видимому, это старый провокатор. Он сразу бы исчез. Но его адрес легко узнать.

— Через адресный стол?

— Конечно, нет. В адресном столе сейчас полная неразбериха, хотя немцы создали в нем видимость порядка. Вы должны использовать Эдингера. Попросите его узнать адрес...

— Эдингера?

— Разумеется. Он отыщет Озолса за несколько часов.

Она была дерзка и трезва. Эдингер мог найти Озолса без труда, а скрывать Озолса от Эдингера тоже не было необходимости.

Я тут же позвонил Эдингеру по телефону.

— Господин обергруппенфюрер? Счастлив вас приветствовать. Вы могли бы меня принять?

— Приходите завтра, Берзинь,— ответил он.— Вы мне тоже нужны.

— О, на этот раз я удовлетворю ваше любопытство, господин обергруппенфюрер...

— Хорошо, хорошо,— довольно сухо отозвался он.— Буду ждать.

Он действительно меня ждал и с первой же секунды моего появления в кабинете устремил на меня пытливый неодобрительный взгляд.

— Садитесь, Блейк,— сказал он.— Я слушаю вас, хотя вы мало чем оправдываете мое снисходительное отношение.

— Не так просто передать моих агентов другому хозяину,— обиженно возразил я.— Я восстанавливаю утраченные связи, перепроверяю всю сеть. Вы получите людей, которые действительно чего-нибудь стоят...

— Но когда, когда? — нетерпеливо перебил Эдингер.— Вы злоупотребляете моим терпением, Блейк

— Не позже, как через две недели,— твердо сказал я.— Но мне нужно найти одного ветеринарного врача, некоего Озолса.

— А он в Латвии? — спросил Эдингер.

— Безусловно,— подтвердил я.— Озолс Арнольд Янович.

— Это что, ваш агент?— спросил Эдингер.

— Да.— Я свободно мог подарить Озолса Эдингеру.— Я утратил с ним связь, а запрашивать Лондон нецелесообразно. В современных условиях это может затянуться, я не рискую испытывать ваше терпение. Озолс поможет мне восстановить некоторые связи.

— Я вижу, вы беретесь за ум,— похвалил меня Эдингер.— Я прикажу найти этого Озолса.

Он по телефону вызвал гауптштурмфюрера Гаусса, и через минуту в кабинет вошел какой-то чиновник в черной эсэсовской форме, висевшей на нем мешком и явно обличавшей штатского человека.

— Господин Гаусс,— сказал Эдингер,— мне нужно найти некоего Озолса...

Эдингер вопросительно обернулся ко мне.

— Арнольд Янович,— подсказал я.

— Арнольд Янович,— повторил, в свою очередь, Эдингер.— Он служит где-то у нас в Латвии ветеринарным врачом.

— Как срочно это нужно? — скрипучим, деревянным голосом осведомился господин Гаусс.

— Задание особой важности,— сказал Эдингер.— Эти данные нужны лично мне.

Господин Гаусс поклонился и ушел, не промолвив больше ни слова.

— А теперь, Блейк, буду говорить я,— сказал Эдингер и зашевелил своими усиками, точно таракан перед неожиданным препятствием.

Он хотел казаться внушительным и, пожалуй, казался таким, но на этот раз он выглядел больным, чувствовалось, что он не в своей тарелке, хотя по-прежнему старался говорить резко и угрожающе.

— Я ценю вас, Блейк,— сердито сказал Эдингер.— Наша разведка наблюдает за вами вот уже шесть лет, и вы все время работали только на свою страну. Поэтому вы поймете меня, если я скажу, что пошел в полицию для того, чтобы служить Германии...

Я уже видел, что мне придется стать свидетелем очередного словоизвержения на тему о величии германского рейха, но на этот раз мне показалось, что Эдингер говорил не ради рисовки, на этот раз он нуждался в самоутверждении: почва зашаталась под его ногами, приезд генерала Тэйлора поколебал его уверенность в германском правопорядке...

Увы, он был не из тех, кому можно было что-либо объяснить! Поэтому я молчал.

Продолжение. См. «Огонек» №№ 20—31.

И так же, как всегда, Эдингер внезапно спустился с заоблачных высот риторики на залитую кровью землю.

— Как это ни печально, но я хочу огорчить вас, господин Блейк,—внезапно произнес он.— Вас окружают подозрительные люди, вы прикрываете коммунистов и партизан...

Я похолодел... Так, кажется, говорится в романах?.. Во всяком случае, я испытал весьма неприятное ощущение... Черт знает, что он мог узнать! Было бы глупо и обидно так просто, ни за понюшку табаку, погибнуть в здешних застенках...

— Вы уверены в своем шофере? — строго спросил меня Эдингер.— У нас о нем самые неблагоприятные сведения. И то, что я сейчас говорю об этом,— свидетельство доверия, которое я еще не утратил к вам...

У меня немного отлегло от сердца, хотя я еще не знал, что нужно от меня Эдингеру.

— Не знаю, как он сумел провести такого опытного разведчика, каким являетесь вы, капитан Блейк,— упрекнул меня Эдингер,— но у нас есть данные о том, что некий господин Чарушин или тот, кто скрывается под этим именем, связан с рижским коммунистическим подпольем...

Но я уже взял себя в руки. В том, что говорил Эдингер, не заключалось ничего экстраординарного: всегда можно было ожидать, что гестапо нападет на след кого-нибудь из нас. Гораздо важнее было понять, почему он считает возможным или нужным сообщить мне о провале Железнова. Эдингер, как я полагал, опять играл со мной в доверие. Но поскольку он не сомневался в том, что я капитан Блейк, он пытался выяснить, не связан ли я, англичанин, с союзниками Англии по войне, с русскими партизанами и коммунистами, и, выдавая мне Железнова, давал возможность порвать эти связи, если они существовали. Для гестапо капитан Блейк был гораздо более значительной фигурой, чем шофер Чарушин; предоставляя мне возможность отмежеваться от своего шофера, тем самым гестапо пыталось сохранить меня для себя.

Поэтому Эдингер пошел еще дальше. В его глазках, совсем как у хорька, когда тот настигает свою жертву, загорелись желтые искорки, он лег грудью на стол и негромко сказал:

— Донесения о Чарушине лежат у меня в столе, и я совершенно доверительно скажу вам, что через день или два отдам приказ об аресте этого человека. Лично вы можете не беспокоиться: вас потревожат лишь на самое короткое время...

Что мне оставалось делать? Высказать свое недоверие Чарушину? Усилить подозрения Эдингера? Это не было бы полезно. Решительно взять под свою защиту? Тоже вызвало бы подозрения. Следовало лишь удивляться и удивляться.

— Удивительно! — воскликнул я.— Чарушин — отличный шофер, я очень им доволен. Он не вызывает подозрений даже у такой недоверчивой женщины, как госпожа Янковская!

Как раз у Янковской-то Железнов и вызывал подозрения. Я приплел ее потому, что она пользовалась значительным влиянием в нацистских кругах, но ответ Эдингера поверг меня в изумление.

— Госпожа Янковская! — насмешливо сказал он.— Хоть она и ваша сотрудница, знаете вы ее недостаточно. Кто вам сказал, что это не она направила наше внимание на вашего шофера?

Если в этом была хоть доля правды, то налицо предательство. Она действовала вопреки мне и против меня.

— Но позвольте,— возразил я.— Я наблюдал за Чарушиным достаточно тщательно. Он выполняет весьма серьезные поручения. Конечно, он не посвящен в мои отношения с вами, он убежден, что служит британским интересам...

— Вы серьезный разведчик, Блейк, но в данном случае этот Чарушин играет на ваших английских чувствах,— укоризненно сказал Эдингер.— Его подослали к вам, и если он вас еще не убил, то только потому, что ему удобно прятаться в вашей тени. Мы давно к нему присматриваемся. Впрочем, не буду скрывать: так же, как и к вам. Но если вас не в чем упрекнуть, ваш шофер уличен...

Вот когда я убедился, как был прав Пронин, удерживая меня от участия в каких бы то ни было делах Железнова,— он видел дальше и больше меня. Молодые бойцы часто ропщут, когда их держат в резерве, но опытные командиры лучше знают, кого и когда надо ввести в бой.

— Не смею больше спорить,— холодно произнес я, показывая, однако, своим видом, что я еще не вполне убежден Эдингером.— Я только прошу вас повременить с арестом: мне хочется самому убедиться в предосудительных связях Чарушина.

— Своей защитой Чарушина вы компрометируете себя! — раздраженно ответил Эдингер.— Вас, как англичанина, волнует не существо, а форма. Я заверяю вас, что с вашим шофером будет поступлено по закону. Положитесь на нас, предоставьте его собственной судьбе, поймите, для вас это наилучший выход...

Эдингера вообще трудно было переубедить, а в данном случае просто невозможно. По-видимому, он нацелился на Железнова очень основательно.

А может быть, и не только на Железнова! Но все это могло быть и провокацией; прямых улик против меня не имелось. Выполняя приказание Пронина, я вел себя очень осмотрительно, но мне могли неспроста сообщить о предстоящем аресте Железнова: исчезни Железнов, будет очевидно, что это я предупредил его...

Тут опять появился гауптштурмфюрер Гаусс. Вероятно, когда Эдингер говорил Гауссу о «задании особой важности», он хотел показать мне образец немецкой быстроты и аккуратности.

— Разрешите, господин обергруппенфюрер? — спросил Гаусс деревянным голосом.

— Да, да! — сказал Эдингер.— Узнали что-нибудь?

Гаусс молча подал Эдингеру узкий листок бумаги. Эдингер взглянул на него и тотчас передал мне.

На листке значилось: «Мадона, Стрелниеку, 14».

— Это все? — спросил Эдингер.

— Адрес ветеринарного врача Озолса,— ответил Гаусс.— Он живет в Мадоне.

Возможно, подумал я, этот адрес и послужит ключом к списку...

Я поблагодарил Эдингера и поспешил откланяться. Мне не хотелось возвращаться к скользкому разговору о Чарушине.

— Помните, о том, что произойдет с вашим шофером, не знает никто,— предупредил меня на прощание Эдингер.— Вы еще будете мне благодарны.

— Можете быть уверены, господин обергруппенфюрер,— заверил его я.— Хайлитль!

Я отсалютовал Эдингеру поднятой рукой и заторопился вниз, в машину.

— Давай! — сказал я.

Железнов включил мотор и удивленно посмотрел на меня.

— Что это ты как будто не в себе?

— Плохи, брат, наши дела,— ответил я.— Гестаповцы собираются тебя арестовать.

Нельзя было не заметить: Железнов встревожился, но он тут же взял себя в руки.

— Как так? — спросил он.

— Предупредил сам Эдингер,— объяснил я.— Уж не знаю, донес кто-нибудь или они сами, но говорит, что гестапо располагает данными о твоих связях с рижским подпольем...

Железнов задумчиво покачал головой.

— Задача...

— Какая же тут может быть задача? — возразил я.— Медлить нечего, приходится скрыться.

Железнов вздохнул.

— Не так это просто, и тем более непросто, что это может бросить тень на вас...

Мы обращались друг к другу то на «вы», то на «ты»; в моменты, когда особенно остро ощущали нашу духовную близость, говорили на «ты», а когда возвращались к служебным делам, переходили на «вы»; на этот раз «ты» и «вы» смешались в нашем разговоре.

— Вы недооцениваете важности возложенного на вас задания,— укоризненно сказал Железнов.— Ради него можно многим пожертвовать.

— Но ведь не тобой же?— перебил я его.— Что, если нам удрать вдвоем?

— Вы понимаете, что говорите? — резко возразил Железнов.— Мы не имеем права уйти, пока не обнаружим всех этих агентов. Вы понимаете, чем это может грозить после нашей победы? Это все равно, что оставить грязь в ране. Рану можно вылечить в месяц, а можно лечить десять лет...

— Посоветоваться с Прониным? — предложил я.— Он подскажет.

— Это конечно,— согласился Железнов.— Но, пожалуй, и Пронин здесь...— Он замолчал; видно было, что ему нелегко прийти к какому-нибудь решению.— Надо протянуть какое-то время и успеть...— Он не договорил и опять задумался.— Вот если бы удалось хоть на время отстранить Эдингера...

Железнов резко повернул машину за угол.

— Ну, а как с адресом? — поинтересовался он.— Эдингер обещал узнать?

— Адрес в кармане,— сказал я.— Можно браться за поиски.

— Вот это здорово! — оживился Железнов.— Обидно будет, если меня возьмут...

Но я-то понимал, что это просто невозможно. Задание, разумеется, должно быть выполнено, но и жертвовать Железновым тоже нельзя. Нам опять предстояло найти выход из безвыходного положения...

И я подумал о Янковской. Почему бы не заставить эту даму послужить нам? Она недолюбливала Эдингера и была расположена ко мне; в ее расчетах я занимал не последнее место. Почему бы не бросить на чашу весов самого себя?

Я повернулся к Железнову.

— Поворачивай! — сказал я.— Двигай в гостиницу, к Янковской.

— Зачем? — удивился Железнов.— Дорога каждая минута.

— Пришла одна идея,— сказал я.— Попробуем побороться.

— А мне нельзя познакомиться с этой идеей? — спросил Железнов.— Как говорится, ум хорошо, а два...

Но я боялся, что он меня не одобрит, да и не был уверен, что сумею эту идею как следует изложить.

— Двигай, двигай! — повторил я.— Авось, рыбка и клюнет...

Не могу сказать, чтобы Железнов чрезмерно доверчиво отнесся к моим словам, однако он подчинился и поехал к гостинице.

Янковская не отозвалась на мой стук; я подумал, что ее нет дома, но дверь оказалась незапертой и, когда я ее толкнул, поддалась.

Янковская спала на диване, поджав ноги. Она не услышала моего стука, но как только я, ничего еще не сказав, сел возле нее, она сразу открыла глаза.

— У меня неприятности,— с места в карьер заявил я.— Только что был у Эдингера. Он сказал, что установлены мои связи с партизанами...

Янковская сразу села, сон с нее как будто рукой смахнуло.

— Какая глупость!— воскликнула она.— Они ничего не поняли!

Этой фразой она выдала себя, но я не подал вида, что в чем-то ее подозреваю.

— Чего не поняли? — спросил я.— Кто?

— Ах, да ничего не поняли! — с досадой отозвалась она. — Ваш Чарушин в самом деле очень подозрителен, но вы-то, вы-то при чем? Самое ужасное в том, что если этот маньяк вздумает привязаться, от него невозможно отцепиться, он ничего не захочет признавать...

Она встала, прошлась по комнате, закурила.

— А вы-то чего нервничаете? — спросил я.— Ну, арестуют меня, убьют, вам какая печаль?

— В том-то и дело, что вас нельзя арестовать! — воскликнула она.— Тэйлор мне этого никогда не простит!

Беспокоилась она, конечно, не столько обо мне, сколько о себе.

— Вот что, поедем к Гренеру,— решительно сказала она.— Надо что-то предпринять...

Она опять пришла в то деятельное состояние, когда трудно было ее остановить.

Мы спустились вниз.

Янковская раздраженно посмотрела на Железнова; сейчас она не пыталась скрыть своей неприязни к нему.

— Ах, это вы? — враждебно сказала она и кивнула куда-то в сторону.— Вы нам не нужны!

Железнов вопросительно взглянул на меня.

— Вы нам не нужны! — вызывающе повторила она.— Выходите из машины!

— Ладно, Виктор,— сказал я.— Не стоит спорить с капризной женщиной.

Он вылез на тротуар.

— Я пойду домой,— сказал он.

— Куда хотите,— ответила Янковская.— У вас хватает дел без господина Берзиня...

Я не хотел ей перечить. Янковская была человеком действия, и, если бралась за дело, лучше было с нею не спорить.

— Садитесь! — почти крикнула на меня Янковская и села сама за руль.

Железнов пожал плечами и спокойно, как всегда, точно ему ничто не угрожало, пошел по улице.

Янковская, злая и стремительная, с места повела машину на большой скорости.

Мы нигде не могли настигнуть Гренера; его не было ни дома, ни в госпитале. Наконец мы узнали, что он находится в канцелярии гаулейтера. Нам пришлось ждать, когда он освободится. Мы вернулись к нему домой — Янковскую без разговоров впустили в квартиру — и принялись ожидать возвращения хозяина.

Янковская обзвонила все места, где мог появиться Гренер.

— Передайте господину профессору, чтобы он поскорее возвращался домой,— повсюду передавала она.— Скажите, что звонила госпожа Янковская.

Однако господин профессор явился сравнительно поздно.

— Что случилось, моя дорогая? — встревоженно спросил Гренер, войдя в гостиную и целуя Янковской руку.— Надеюсь, вы меня извините, меня задержал барон.

Он поздоровался со мной, и я бы не сказал, что очень приветливо.

— Мы разыскиваем вас уже часа четыре,— нетерпеливо сказала Янковская.— Надо срочно что-то сделать с Эдингером!

Гренер бросил беглый взгляд на меня и опять повернулся к Янковской.

— Может быть, вы разрешите предложить вам чашку кофе?

— Ах, да какой там кофе, когда я говорю об Эдингере! — нервно воскликнула она.— Давайте говорить о делах, а не о кофе!

Гренер опять неприязненно посмотрел на меня и вновь повернулся к Янковской.

— Но я не знаю...— промямлил он.— Господин Берзинь... Удобно ли...

— Ах, да ведь вы отлично знаете, что Берзинь — свой человек! — с досадой произнесла Янковская.— Генерал Тэйлор заинтересован в нем не меньше, чем в вас!

Мне показалось, что замечание о нашей равноценности не доставило Гренеру удовольствия.

— Хорошо, дорогая! — послушно произнес он.— Если господин Берзинь осведомлен о ваших делах, давайте поговорим.

Он больше не смотрел на меня, но мое присутствие, я не ошибался, было ему неприятно.

— Эдингер начинает усердствовать сверх меры,— холодно сказала Янковская.— Вы както говорили, что хотели бы видеть на посту начальника Рижской гестапо своего друга Польмана и что можете это сделать. Мне кажется, пришло время доказать, что вы хозяин своего слова.

Гренер любезно улыбнулся.

— Я действительно хотел бы видеть в Риге своего друга Польмана,— согласился он.— И у меня достаточно связей, чтобы он получил в Берлине такое назначение. Но только не вместо Эдингера...

Он закивал своей птичьей головкой.

— Только не вместо Эдингера,— настойчиво повторил он.— Эдингеру лично покровительствует гаулейтер Гиммлер, и, пока Эдингер не получил какого-либо повышения, Польману здесь не бывать.

— Ну, а если Эдингера здесь не будет? — испытующе спросила Янковская.— Вы уверены, что на его место назначат Польмана?

— Так же, как и в том, что вижу сейчас вас перед собой,— уверенно сказал Гренер.— Но я не вижу способа избавиться от Эдингера.

Янковская холодно усмехнулась.

— О, способ устроить для него повышение найдется!..

Гренер опять закивал своей птичьей головкой.

— Я боюсь, вы переоцениваете свои возможности, дорогая...

— А вы недооцениваете возможностей заокеанской разведки, профессор,— холодно возразила Янковская.— Стоит дать команду, и обергруппенфюрер Эдингер взлетит так высоко...

— Увы! — не согласился с ней Гренер.— Ни на Гиммлера, ни на Гитлера генерал Тэйлор не может повлиять!

— Но зато он может повлиять на самого господа бога,— насмешливо произнесла Янковская.— Ни Гитлер, ни Гиммлер не помешают отправить вашего Эдингера к праотцам.

— На это я не даю согласия! — крикнул Гренер.— Эдингер — честный человек, и я не хочу доставлять место Польману ценой человеческой жизни!

— А я с вами не советуюсь, как поступить с Эдингером! — крикнула, в свою очередь, Янковская.— Я спрашиваю вас, гарантируете ли вы, что в случае исчезновения Эдингера на его пост назначат Польмана?

— Что касается Польмана, я уверен, но, повторяю, я не согласен на устранение Эдингера...— Гренер впервые повернулся ко мне за все время этого разговора.— Господин Берзинь, или как вас там! Я надеюсь, вы не возьметесь за такое дело...

Он, кажется, решил, что это именно мне Янковская предполагает поручить устранение Эдингера.

Но Янковская не позволила мне ответить.

— Да скажите же ему, что вы имеете особое поручение от Тэйлора! — закричала она на меня.— Профессор все сводит к личным отношениям, но забывает, что есть интересы, ради которых приходится забывать о себе!

— Нет, нет и нет! — закричал вдруг Гренер, приходя в необычайное возбуждение.— Я ничего не хочу делать для господина Блейка! Вы испытываете мое терпение! Я предупрежу Эдингера...

И тут Янковская проявила всю свою волю.

— Не орите! — прикрикнула она на Гренера.— Ревнивый журавль!

И он не посмел ей ответить.

— Слушайте,— медленно произнесла она сдавленным голосом.— Эдингер не ваша забота. Но если вы сейчас же не примете мер к тому, чтобы в Ригу был назначен Польман, я никогда — слышите? — никогда не уеду с вами за океан. Больше того, я наплюю на все, не побоюсь даже Тэйлора — вы меня знаете! — и завтра же исчезну из Риги вместе с Дэвисом. Вместе с Дэвисом! Вы хотите этого?

И вот э т о г о Гренер не захотел!

— Отто, Берндт! — взвизгнул он.— Где вы там?!

В гостиную влетел один из его денщиков.

— Кофе! Где кофе? — визгливо забормотал он.— Сколько времени можно дожидаться? И госпожа Янковская, и господин Берзинь, и я, мы уже давно ждем...

Денщик — уж не знаю, кто это был: Отто или Берндт,— ошалело взглянул на Гренера и через две минуты — это была уже магия дисциплины! — внес в гостиную поднос с кофе и ликерами.

— Разрешите налить вам ликера? — обратился Гренер к Янковской.

По-видимому, это значило, что зверь укрощен.

— Налейте,— согласилась она и, совсем как кошка, лизнув кончиком языка краешек рюмки, безразлично спросила: — Вы когда будете звонить Польману?

— Сегодня ночью,— буркнул Гренер и обратился ко мне: — Может быть, вы хотите коньяку?

— Мы хотим ехать,— сказала Янковская.— У нас есть еще дела.

— Опять с ним? — сердито спросил Гренер.

— Да, с ним,— равнодушно ответила Янковская.— И еще тысячу раз буду с ним, если вы не оставите свою глупую ревность...

Она направилась к выходу, и Гренер послушно пошел ее провожать.

— Вы можете намекнуть своему Польману,— сказала она уже в передней,— что Эдингер чувствует себя очень плохо и вы, как врач, весьма тревожитесь за его здоровье.

Мы опять очутились в машине.

— А теперь куда? — поинтересовался я.

— В цирк,— сказала Янковская.— Я хочу немного развлечься.

К началу представления мы опоздали, на арене демонстрировался не то третий, не то четвертый номер, но это не огорчило мою спутницу.

Мы сидели в ложе, и она снисходительно посматривала то на клоунов, то на акробатов.

— Вот наш номер,— негромко заметила она, когда объявили выход жонглера на лошади Рамона Гонзалеса.

Оркестр заиграл бравурный марш, и на вороной лошади в блестящем шелковом белом костюме тореадора на арену вылетел Гонзалес...

Оказалось, я его знал!

Это был тот самый смуглый субъект, который дежурил иногда в гостинице у дверей Янковской.

Надо отдать справедливость, работал он великолепно. Ни на мгновение не давал он себе передышки. Лошадь обегала круг за кругом, а в это время он каскадом делал разнообразные курбеты, сальто и прыжки. Ему бросали мячи, тарелки, шпаги, он ловил их на бегу и заставлял их кружиться, вертеться и взлетать, одновременно наигрывая какие-то мексиканские песенки на губной гармонике. Но самым удивительным было его умение стрелять. Это был действительно первоклассный — да какое там первоклассный! — феноменальный снайпер! Гонзалес выхватил из-за пояса длинноствольный пистолет, и одновременно служители подали ему связку обручей, обтянутых цветной папиросной бумагой. Он взял их в левую руку, в правой держа пистолет. В цирке пригасили свет, цветные лучи прожекторов упали на арену, и наездник становился попеременно то голубым, то розовым, то зе-

леным. В оркестре послышалась дробь барабана. Лошадь галопом помчалась по кругу, а Гонзалес, не выпуская пистолета, хватал правой рукой обручи, бросал вверх перед собой и, когда цветные диски взлетали к куполу, стрелял в них; продырявленные диски быстро и плавно возвращались обратно, Гонзалес подхватывал их головой, и они повисали у него на плечах...

Этот человек имел изумительный глазомер и выработал необыкновенную точность движений!

Я с интересом наблюдал за его искусной работой...

Не знаю, почему, но мне вспомнился вечер на набережной Даугавы...

— Да, этот Гонзалес неплохо владеет пистолетом,— сказал я.— У меня такое чувство, точно я уже сталкивался с его искусством...

— Возможно,— согласилась Янковская.— Только это никакой не Гонзалес, а самый обыкновенный ковбой, и зовут его просто Кларенс Смит.

Он еще несколько раз метнул свои обручи, выстрелил в них, поймал и спрыгнул с лошади. Вспыхнул свет, прожектора погасли, Гонзалес, или, как его назвала Янковская, просто Смит, принялся раскланиваться перед публикой.

Он остановил свой взгляд на Янковской, а она приложила кончики пальцев к губам и послала артисту воздушный поцелуй.

Как только объявили номер каких-то эксцентриков, Янковская заторопилась к выходу.

— Вы устали или надоело?— осведомился я.

— Ни то и ни другое,— ответила она на ходу.— Не надо заставлять себя ждать человека, которому еще предстоит серьезная работа.

Мы ожидали Гонзалеса у выхода минут пять, пока он, по всей вероятности, переодевался.

Он быстро подошел к Янковской и схватил ее за руку.

— О! — сказал он, бросая на меня неласковый взгляд.

— Быстро, быстро!—крикнула она ему вместо ответа.

...Через минуту мы уже опять неслись по улицам сонной Риги, а еще через несколько минут сидели в номере Янковской.

— Познакомьтесь, Кларенс,— сказала она, указывая на меня.— Это Блейк.

— Нет! — резко сказал он.— Нет!

— Что — нет? — спросила Янковская со своей обычной усмешечкой.

— Я не хочу пожимать ему руку. Он мой враг!

— Не валяй дурака,— примирительно сказала Янковская.— Никакой он тебе не враг.

— Ладно, останемся каждый при своем мнении! — ворчливо пробормотал Смит.— Что тебе от меня нужно?

— Поймать бешеную лошадку,— сказала Янковская.

— Кого это еще требуется тебе заарканить? — спросил Смит.

— Начальника гестапо Эдингера,— назвала Янковская.

— Ну, нет, за такой дичью я не охочусь,— отказался Смит.— Потом мне не сносить головы.

— Тебе ее не сносить,— сказала Янковская,— если Эдингер останется в гестапо.

— Мне он не угрожает,— сказал Смит, посмотрел на меня прищуренными глазами и спросил: — Это вам он угрожает?

— Хотя бы,— сказал я.— Я прошу вас о помощи.

— Туда вам и дорога,— пробормотал Смит, придвинулся к Янковской и сказал: — Я бы перестрелял всех мужчин, которые вертятся возле твоей юбки.

— Надо бы тебе поменьше ерепениться,— сказала Янковская.—Это шериф требует смерти Эдингера.

Я не знал, кто подразумевался под этим именем, но вполне возможно, что это был все тот же генерал Тэйлор.

— Знаю я, какой это шериф! — мрачно проговорил Смит и указал на меня.— Гестапо, небось, собирается кинуть этого парня в душегубку, и тебе хочется его спасти.

— Вот что, Кларенс... — Янковская вцепилась в его руку. — Если ты не сделаешь этого, тебе не видать меня в Техасе. Не будет ни дома на ранчо, ни холодильника, ни стиральной машины. Ищи себе другую жену!

— Все равно ты меня обманешь! — пробормотал Смит и закричал: — Нет, нет и нет! Пусть они подохнут, все твои ухажеры, может, я только тогда тебя и получу, когда тебе не из кого будет выбирать!

— Кларенс! — прикрикнула на него Янковская.— Ты замолчишь?

— Как бы не так! — закричал он в ответ.— Ты что же, за дурака меня считаешь? Ты думаешь, я забыл тот вечер, когда ты помешала его задушить? Теперь я и рук марать об него не буду, пойду в гестапо и просто скажу, что твой Блейк, или Берзинь, или как он там еще теперь называется, на самом деле русский офицер...

Янковская стремительно вскочила и подбоченилась, совсем как уличная девка.

— Пуговицу, Блейк, пуговицу! — крикнула она.— Нечего с ним церемониться! Покажите ему пуговицу!

Я послушно достал пуговицу и разжал ладонь перед носом Смита.

Янковская оказалась права, когда назвала эту пуговицу талисманом. Этот упрямый и разозленный субъект уставился на нее, как завороженный...

Он с сожалением посмотрел на нее, потом на меня и, точно укрощенный зверь, подавил вырвавшееся было у него рычание.

— Ваша взяла,— выдавил он из себя.— Ладно, говорите.

— Двадцать раз, что ли, говорить?— крикнула Янковская.— Тебе сказано: заарканить Эдингера, а иначе...

— Ладно, ладно! — примирительно оборвал он ее.— Говори: где, как и когда?

Продолжение следует.

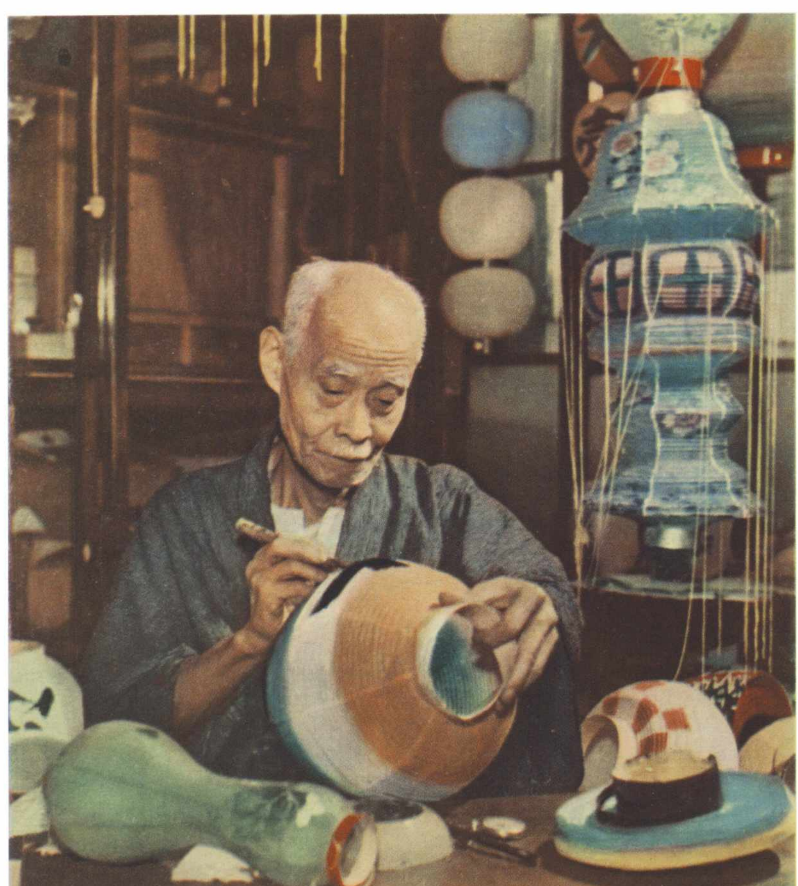
В замке Осака, построенном около 400 лет назад, сейчас находится музей городского управления.

В ЯПОНИИ

Фото Н. КОЗЛОВСКОГО.

Жительницы города Нара.

Дети на празднике в Токио.



Лавка фонарей в Киото. Хозяин лавки Такахаси расписывает фонарь (внизу слева).

Курортный город Камакура. Продавец фруктов.

ОТКРЫТИЕ ЮЖНОЙ АМЕРИКИ

Буэнос-Айрес.

2. СТОЛИЦА У РЕКИ СЕРЕБРЯНОЙ

А. СОФРОНОВ,

специальный корреспондент «Огонька»

В Розовом дворце и около

Всю ночь под окнами отеля «Версаль», в котором мы остановились, звучал говор. Кто-то темпераментно спорил. Потом на смену говору появлялась песня, аккомпанемент гитары, затем снова с удесятеренной силой возникали голоса. Мы закрыли окна, задернули темные шторы, но шум не убавлялся. Наконец солнечные зайчики пробились сквозь шторы и забегали по стенам. На улице стало тихо. Это была удивительная тишина, слышался шелест листьев. И вдруг тишина оборвалась. Улицы наполнились громом радиорепродукторов, топотом шагов. Мы раскрыли шторы. Сквозь листву заглядывавших в окна отеля деревьев ярко блестело солнце. На балконах домов висели национальные флаги Аргентины. Все стены были еще заклеены предвыборными плакатами. Среди других выделялись плакаты, на которых было написано имя Артуро Фрондиси — ныне президента, которому предстояло сегодня принимать власть в Розовом дворце из рук временного президента Арамбуру.

Настроение у нас было отличное.

— С первомайским праздником! — поздравляли мы друг друга.

— Но, вероятно, в Розовый дворец будут пропускать по специальным пропускам?

— Совершенно верно, — сказал, появляясь в номере, Александр Иванович Алексеев — представитель нашего Союза обществ дружбы. — Поедемте за пропусками.

Мы отправились в отдел печати Министерства иностранных дел. По улицам маршировали подразделения пехоты и моряков. На тротуарах толпились жители столицы.

В отделе печати все закончилось быстро. Работник отдела собственноручно отстукал на пишущей машинке фамилии десятерых советских журналистов.

Чем ближе мы подходили к Розовому дворцу, тем больше встречали жителей столицы. Памятники, которых в Буэнос-Айресе великое множество, были усеяны зрителями, взобравшимися на крупы коней, плечи и даже головы знаменитых людей Аргентины. Не миновал этой участи и Христофор Колумб, фигуру которого облепили подростки. К Розовому дворцу подтягивались армейские части. За их маршем следили тысячи глаз. Отцы подсаживали сынишек на фонарные столбы.

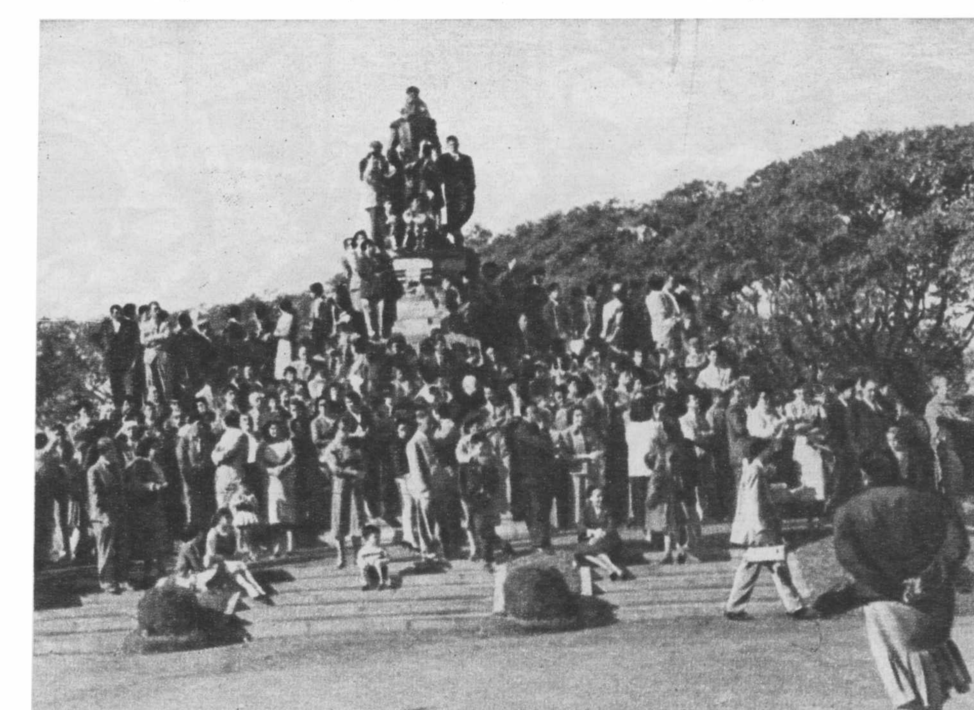
Возле Розового дворца, словно широким руслом разделенные мостовой, стояли две толпы. У памятника Колумбу, справа, как нам объяснили, сосредоточились приверженцы Арамбуру. Слева, у стен национального банка, — сторонники Фрондиси.

Артуро Фрондиси, произнеся программную речь в парламенте, проехал во дворец. Один за другим сюда же подъезжали главы правительственных делегаций, прибывших из разных стран на церемонию передачи власти. Мы стояли на одном из балконов Розового дворца и наблюдали приезд гостей. Вот появилась советская делегация во главе с заместителем Председателя Президиума Верховного Совета СССР М. П. Тарасовым, вместе с ним в черных блестящих цилиндрах и фраках из машин вышли все остальные члены нашей делегации. Подъезжали боливийцы, перуанцы, чилийцы, французы, англичане...

Во дворце уже шла церемония передачи власти, когда к подъезду подкатила черная автомашина вице-президента США Никсона. Он вышел из нее злой и, не глядя на караул гвардейцев, направился во дворец. Оказалось, что машина Никсона не могла пробраться к площади из-за множества людей, запрудивших улицы Буэнос-Айреса.

По аргентинским традициям, президенту, сдавшему власть, положено покинуть дворец. Так было и на этот раз. Когда через правое плечо Артуро Фрондиси была перекинута голубая с белым — цвета национального флага — президентская лента, Арамбуру покинул Розовый дворец. Мимо гвардейцев Сан-Мартина, стиснутый с двух сторон журналистами и почитателями, тянувшими к нему записные книжки, чтобы именно в момент его низложения получить автограф, действуя энергично локтями, бывший президент продирался к своей автомашине, окруженной мотоциклистами и кавалеристами. Наконец он вырвался из узкой людской горловины, вышел на мостовую и шагнул в открытую автомашину. И в этот момент от памятника Колумба, ломая редкие ряды полицейских, к Розовому дворцу хлынула толпа

Памятников не было видно.



См. «Огонек» № 31.

сторонников и почитателей Арамбуру, чтобы и в этот час приветствовать своего кумира.

— Прямо из дворца он едет на аэродром, где ждет уже его самолет,— сказал стоящий рядом с нами аргентинский журналист.— Летит в свое поместье... Если б эти люди знали...— продолжал он, указывая на толпу, бесновавшуюся вокруг стоящего в открытой автомашине Арамбуру,— если бы они знали, сколько он нахапал за короткий срок своего президентства, они бы... Впрочем, сами они из этой же категории...

Люди, стоявшие у стен национального банка, во время проводов Арамбуру хранили каменное молчание. Они оживились только тогда, когда из Розового дворца на широкую деревянную трибуну вместе с главами делегаций поднялся Артуро Фрондиси. Поблескивая стеклышками роговых очков, худой, с тонким лицом, он стоял в центре трибуны, улыбаясь людям, окружавшим небольшую площадь и восторженно приветствовавшим нового президента, с именем которого они связали свои надежды на новую, независимую жизнь Аргентины. На трибуне, неподалеку от Фрондиси, стоял Никсон. Он молча наблюдал проходившие мимо трибун войска Аргентины.

— Дирижер,— сказал стоящий рядом с нами известный аргентинский журналист, с которым мы познакомились в Розовом дворце.

— Дирижер-то дирижер... Только оркестр у этого дирижера все менее послушно играет и все редеет,— отозвался на это журналист из Перу.

Над крышами домов, над площадью возле Розового дворца проносились самолеты. И, несмотря на то, что самолеты были старых конструкций, гул их, видимо, будил патриотические чувства — то и дело на площади раздавались аплодисменты. Но с особой силой они вспыхивали, когда мимо трибун, четко печатая шаг, выбрасывая вперед несогнутую правую руку, проходили моряки и пехотинцы, впереди которых шли знаменосцы, приложив к сердцу концы национального — голубого с белым — знамени.

После Никсона

На другой день нам сказали:

— Вас приглашают посетить университет.

Мы обрадовались. Университет — это молодость. Аргентина переживает сейчас период молодости. В один из первых дней нашей жизни в Буэнос-Айресе кто-то сказал: «В Латинской Америке пора военных переворотов и диктатур кончилась. Началась эпоха демократии». О том, что в высших учебных заведениях Южной Америки сильны демократические тенденции, мы слышали и раньше. С тем большим удовольствием мы приняли это приглашение. По небольшой узкой улице мы подъехали к многоэтажному дому, возле которого стояло десятка два юношей и девушек. Они ожидали нас и повели по крутой лестнице на второй этаж. Студенты были возбуждены. Обмениваясь с ними словами привета, мы спросили:

— Уж не наш ли приезд привел вас в такое состояние?

— И да и нет... Есть еще одна причина.

— Какая?

— За десять минут до вашего приезда от нас уехал Никсон.

— Вы беседовали с ним?

— Да.

— И как прошла беседа?

Но ответа мы не услышали, так как открылась дверь ректорского кабинета и нас пригласили войти.

Возле высокого кресла стоял человек в светло-сером легком костюме, в роговых очках, прочно лежащих на тонком с горбинкой носу. Он был удивительно похож на президента.

— Ректор университета Фрондиси,— сказал он, словно понимая причину нашего удивления.

Это был родной брат президента.

— Рад приветствовать вас в стенах нашего университета,— сказал ректор, жестом приглашая нас занять кресла.

Мы попросили рассказать ректора о принципах строения университета.

— Наш университет, как, вероятно, и все университеты мира, разделен на факультеты. Их у нас десять. Перечисляю,— говорил Фрондиси,— факультеты медицины, права, естественных наук, инженерный, финансово-экономический, биохимический, аграрный, фармацевтический, ветеринарный, зубопротезный... Обучается сейчас до тридцати пяти тысяч человек.

— Какой общий уклон обучения, общеобразовательный или узкопрактический?

— Сейчас, исходя из непосредственных нужд нашей национальной экономики, мы усиливаем научно-исследовательский профиль. Страна проходит процесс преобразований. Мы хотим всецело содействовать этому процессу. Для нас сейчас главное не изучение Аргентины, а ее преобразование. Поэтому мы разрабатываем наши программы таким путем, чтобы они содействовали теснейшей связи практики и теории.

— Все ли студенты, заканчивающие университет, обеспечиваются работой? — спросил Аджубей.

— В настоящее время мы предполагаем установить контакт с предприятиями. Раньше этого не было. Каждый, кто заканчивал университет, искал работу на свой страх и риск.

— Все ли студенты имеют стипендии?

— Раньше стипендий не получал никто. В этом году мы предполагаем, что их получат двести человек, а в ближайшие годы доведем до трех тысяч. У нас, правда, обучение во всех звеньях бесплатное... Но это не выход... Есть студенты, имеющие семьи. Из-за того, что нет стипендий, обучение их растягивается на многие годы. Среди студентов есть небольшая часть из аристократической среды, богатых. Обычно представители этой среды отправляют своих детей на учебу в Европу. Есть также небольшая часть бедных, необеспеченных. Основной же состав студентов из среднезажиточных слоев населения.

— Как обеспечивается профессорско-преподавательский состав?

— Только недавно установлена постоянная оплата труда наших профессоров и преподавателей. Раньше все они должны были совмещать учебную деятельность в университете с работой на предприятиях или в каких-либо учреждениях. Сейчас происходит обратный процесс. Но, к сожалению, этот процесс только в самом начале... Тем не менее, несмотря на то, что нас могут обвинить в эгоизме, мы собираемся в нашем университете собрать лучший в стране профессорско-преподавательский состав.

— Есть ли студенческие общежития?

— Пока очень мало. Наши архитекторы только сейчас разрабатывают проект университетского городка.

Ректор Фрондиси отвечал очень лаконично, даже сдержанно, с некоторой преподавательской сухостью, но вместе с тем каждым словом давал нам понять, что делает это он с удовольствием, с полным уважением к гостям. Несколько десятков преподавателей и студентов, столпившихся в кабинете, молча слушали беседу.

— Если у вас больше нет вопросов, разрешите задать некоторые вопросы вам? — обратился к нам ректор.

— С удовольствием.

Теперь нам пришлось рассказывать о советской системе образования, о студенческих организациях, стипендиях, молодежном спорте... Вопросы задавали и сам ректор, и преподаватели, и с особым усердием студенты. Мы и не заметили, как прошло более двух часов — нормальный регламент визита. Мы не имели права больше злоупотреблять временем наших хозяев. Но все же перед прощанием мы задали ректору еще один вопрос:

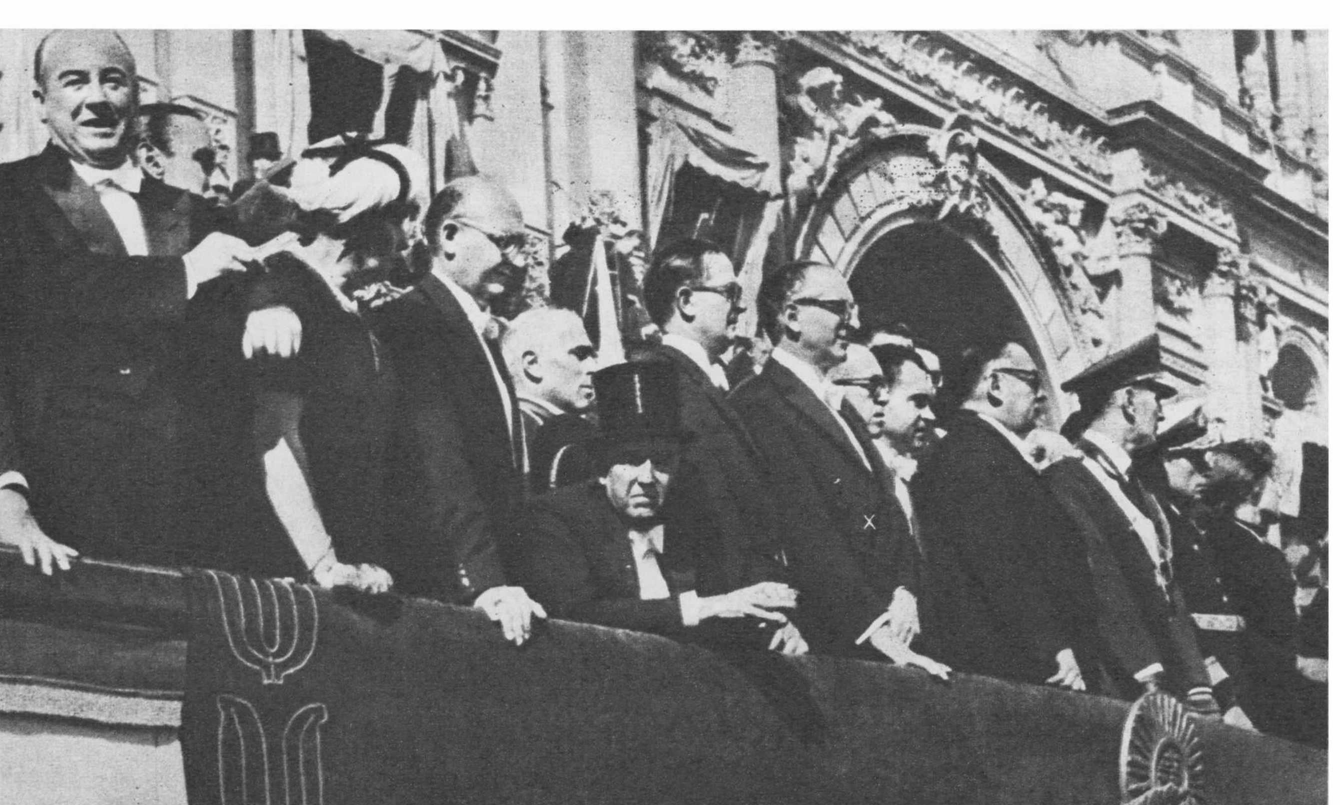
— Что вы думаете о возможности обмена студентами?

— Мы исходим из возможностей обмена со всеми странами мира,— сказал ректор.— Но у меня на этот счет есть свое особое мнение. Мне кажется, что обмениваться следует не студентами, а теми, кто уже получил образование, то есть выпускниками, — в тот период, когда они еще не приступили к самостоятельной работе. В этом случае они могут, имея фундамент своего национального образования, взять из другой системы образования все, что может быть полезным. В принципе же считаю обмен правильной формой общения.

Сопровождаемые студентами, мы вышли на улицу.

— Вы спрашивали нас, как прошла беседа с Никсоном,— сказал студент с вьющимися черными волосами.— Могу ответить. Совершенно в иной атмосфере, чем беседа с вами. Мы выразили Никсону возмущение колониальной политикой Соединенных Штатов Америки по отношению к латиноамериканским странам. Никсон попробовал отшутиться. Но мы задавали вопросы, не шутя. От имени студенческой федерации выразили свое возмущение грубым вмешательством США во внутренние дела Гватемалы. Тогда Никсон перестал шутить и сказал, что, поскольку на этот вопрос долго отвечать и мы можем его не понять, он предпочитает вовсе не отвечать. Он уехал за десять минут до вашего появления, сопровождаемый нашими враждебными выкриками. Еще раньше мы просили, чтобы Никсон принял представителей аргентинской студенческой федерации для вручения ему требования студентов о прекращении Соединенными Штатами Америки производства и испытаний атомно-водородного оружия. Но, конечно, Никсон отказался нас принять. Сегодня мы идем на прием к господину Тарасову, чтобы вручить ему меморандум по поводу запрещения атомного оружия и защиты мира.

На правительственной трибуне. В центре — Президент Аргентины Артуро Фрондиси (х).



— Но ведь Советское правительство уже приняло решение об одностороннем прекращении испытаний.

— Мы хотим просить господина Тарасова о том, чтобы Советское правительство не уставало искать возможности для сохранения прочного мира.

Стоявшая возле нас курносая девушка с рыжевато-черной челкой на лбу вдруг спросила нас:

— А скажите, почему американский спутник не летает над Москвой?

— Видимо, боится, что на него окажет влияние коммунистическая пропаганда,— ответил Алексей Аджубей под смех прощающихся с нами студентов.

Журнал «Кэ»

Мы получили приглашение посетить журнал «Кэ». «Кэ» — в переводе на русский «что». Название для журнала несколько необычное. Мы попробовали узнать у друзей, что это за журнал.

— Журнал тонкий.

— Такой же, как «Огонек»?

— И да и нет... С экономическим уклоном.

— А что значит «что»?

— Лучше всего вы это узнаете в самом журнале.

Мы отправились в редакцию. Поднявшись по лестнице на второй этаж, прямо из коридора мы попали в маленькую прихожую. В ней сидело несколько человек с напряженными лицами. Это были репортеры. За дверью направо, видимо, решалась судьба их материалов. Их вызывали по одному. Нас пригласили налево. В маленьком кабинете у маленького столика стояли гнутые стулья. За столом сидел взъерошенный человек.

— Марченский, секретарь редакции,— представился он.

В комнату вошел человек небольшого роста, с острым, энергичным лицом.

— Коломаро, заместитель главного редактора,— сказал он, протягивая руку, выжидательно смотря на нас.— Рады вас приветствовать. Одновременно разрешите задать вопрос: чему обязана Аргентина, что в Буэнос-Айрес приехала столь большая группа известных советских журналистов?

Так виднее.

— Желанию узнать, как живет народ Аргентины, и рассказать об этом нашему народу, который очень дружески относится к вашей стране.

— Но ведь ваш народ очень мало знает об Аргентине.

— Хочет знать больше.

Коломаро склонил голову.

— Это вообще логично.

— А вы, господин Коломаро, разве не желали бы, например, посетить нашу страну? Вы, вероятно, немало слышали о ней, но не видели.

— Это правда... И, конечно, с удовольствием бы поехал. Но, к сожалению, в ближайшее время будет трудно. Здесь у нас очень много дел.

— А какие у вас дела?

Коломаро чуть улыбнулся:

— Вы, кажется, настоящие журналисты...

— А кем же мы должны быть?

— Обычно о каждом человеке, приезжающем из Советского Союза, у нас говорят, что это комиссар.

Настало время улыбаться нам.

— У нас очень много дел,— сказал Коломаро серьезно.— Нам нужно научить аргентинцев самим развивать свою страну. Мы, экономисты, понимаем, что без тяжелой промышленности, без металлургии не может быть самостоятельности аргентинской нации. Счастье нашего народа не может зависеть от чужого дяди.

— Мы хотим следовать примеру России в вопросах создания национальной экономики,— сказал Марченский.

— Да, это точно,— подтвердил Коломаро.— Хотя и трудно. Дело в том, что раньше вся печать была во власти иностранных монополий. Эта пресса насильно вбивала в умы аргентинцев североамериканскую идеологию. Мы же считаем, что сейчас мы сами должны готовить и формировать психологию нашей нации. Поэтому мы и создали наш журнал. Его название должно говорить о том, что нам следует делать, каковы наши задачи. Основная наша задача — защита и создание национальной независимой экономики.

— Вы марксисты,— пошутили мы.

— Нет, мы не марксисты. Мы националисты. Мы хотим, чтобы у нас была своя сталь, железо, нефть. Мы надеемся, что правительство доктора Фрондиси предпримет усилия в этом направлении. А наш журнал, объединяющий вокруг себя разных людей, сходящихся на этой программе, сделает все, чтобы помочь осуществлению этой программы.

— А есть такая программа?

— Четко оформленной программы нет, но думы и активные желания лучших людей Аргентины идут в этом направлении.

— Какой тираж журнала?

— Сто пятьдесят тысяч. Хочу отметить, что больше половины тиража продается в провинции. Журнал сыграл большую роль в избирательной компании, агитируя за Артуро Фрондиси. У нас в журнале имеется самый крупный в стране справочный архив, по существу, ставший научным центром по вопросам экономики и политики, да и по вопросам национальной культуры...

Коломаро говорил настолько увлеченно, что можно было заслушаться.

Идут гвардейцы Сан-Мартина.

— Вы, наверно, очень любите свой журнал? — спросил я его.

— Очень! Только не бумагу, на которой он печатается, а мысли, которые на ней излагаются.

— А опечаток у вас много?

— Что, что? — удивился вопросу Коломаро.

— Опечаток много?

Коломаро весело засмеялся и обратился к Марченскому:

— Много у нас опечаток?

— Бывает,— неохотно сказал секретарь редакции.— У кого их не бывает.

— Бывает,— согласились и мы с Николаем Грибачевым.

Мы тепло простились с нашими аргентинскими коллегами. От некоторой настороженности, с какой они нас встретили, ничего не осталось.

— При первой возможности я приеду в Москву,— сказал Коломаро.

— Будем ждать. Приезжайте,— сказали мы этому человеку, обладающему огромным запасом энергии.

Уже по возвращении из Южной Америки я получил в адрес «Огонька» бандероль из Буэнос-Айреса. Распечатав ее, увидел, что это журнал «Кэ». Журнал напечатал информацию о нашей встрече, в которой говорилось: «Наши коллеги из СССР в продолжительной беседе познакомились с различными аспектами экономической и социальной обстановки в Аргентине и во всей Латинской Америке вообще. Зная о роли журнала «Кэ» в национальном движении, советские журналисты свой первый визит нанесли нам».

Среди многих статей этого номера, обращающих внимание на более интенсивное использование природных богатств Аргентины, в частности в Патагонии, в статье «Решение вопроса о дефиците нефти в стране» предлагается использовать опыт Советского Союза в развитии национальной нефтяной промышленности. В этой же статье критикуется позиция Никсона, ушедшего от прямого ответа в вопросе о реальной помощи Соединенных Штатов развитию нефтяной промышленности Аргентины.

Журнал, скептически относясь к возможности положительного решения правительства США, считает, что нужно «искать другие финансирующие источники».

Таким образом, знакомство с журналом «Кэ» позволило нам в какой-то степени узнать, чего хотят патриотически настроенные промышленно-экономические круги Аргентины и какие они ставят задачи для подъема национальной экономики.

Нам остается только пожелать успеха в осуществлении их желаний!

Днем и ночью

Каждый большой город, в который попадаешь впервые, осваивается не сразу. Вы можете десятки раз проезжать по одним и тем же улицам, видеть те же самые дома и памятники, но не запомнить их. Другое дело, если, отвергнув автомобиль, вы отправитесь путешествовать по городу пешком. Тогда ваша память запечатлеет десятки различных примет, и через неделю — другую вы уже можете считать себя если не старожилом, то, во всяком случае, человеком, который прилично знает новый город и безбоязненно пускается в плавание по его площадям и улицам.

На первых порах, сокращая время, мы все же довольно интенсивно пользовались автомобильным транспортом. Должен сказать, что езда по улицам Буэнос-Айреса приносит довольно острые ощущения. Одним из самых распространенных выражений здесь является слово «чок». Думается, что его корни скорее звуковые, чем смысловые. Люди, употребляющие изредка или более чем изредка напитки, на которых помечены высокие градусы, хорошо знают, что такое слово «чокнуться». Но в Буэнос-Айресе «чокнуться» не имеет никакого отношения к алкоголю, за исключением тех случаев, когда является его производным. Уже в самый первый день мы заметили на улицах немало помятых, с большими и малыми вмятинами автомашин. Как нам показалось (хотя нас уверяли в обратном), правил уличного движения или вообще нет или если есть, то, что называется,

Дневной темп.

приблизительные. Не раз ранним утром мы просыпались с бешено бьющимся сердцем от страшного скрежета автомобильных тормозов. Это означало, что день начался. Много раз мы видели, как выскочившая из переулка машина впивалась в бок другой, мчащейся ей наперерез. Оптимисты здесь говорят: «Жертв не бывает». Так это или не так — не знаю. Мы и впрямь видели только побитые машины, но не видели побитых при автомобильных авариях людей. Однажды я спросил одного аргентинца:

— Почему все-таки нет в Буэнос-Айресе регулировщиков и светофоров?

— Во-первых, это не точно,— ответил он мне.— Несколько регулировщиков есть. На некоторых переулках, где людное движение, они даже вознесены над мостовой... И светофор один поставили. Но он только вызывает беспорядок: вместо того, чтобы следить за автомашиной, шофер вынужден следить за красным и зеленым светом... У нас к этому еще не привыкли. Наибольшее количество уличных происшествий как раз бывает около светофора.

— Ну и поставили бы регулировщиков! — настаивал я.

— Этак бы весь городской бюджет в трубу вылетел. Кварталы маленькие, улиц много.

Надо сказать, что шоферы ко всему этому относятся философски. Однажды, когда мы в такси едва не стали жертвой какой-то длинной черной машины, таксер не выдержал и, высунувшись из окошка, крикнул над пышущим жаром радиатором чужой машины:

— Ну, ты, отъел харю и лезешь на людей!

— Будь здоров, старина... Береги нервы,— ответил сидевший за рулем полный человек.

— Ладно, убирай машину,— сказал вдруг уже совершенно миролюбиво таксер, и мы помчались дальше, едва не налетев, на этот раз уже сами, на другую машину.

Никто из водителей, оставляя на стоянке автомобиль, не ставит его на тормоз: вдруг кому-либо понадобится место, и машину придется передвинуть. Делается это очень просто. Подъезжает машина, передним буфером упирается в задний буфер стоящей машины и перекатывает ее чуть дальше.

Среди автомобилистов Буэнос-Айреса существует полное взаимопонимание и помощь друг другу. Однажды ранним утром со скоростью сто километров в час мы мчались на аэродром, чтобы проводить улетающую в Москву нашу правительственную делегацию. Вдруг шедшая перед нами машина резко вильнула влево. Нам ничего не оставалось делать, как взять вправо и вылететь на тротуар, вдрызг разорвав передний скат. Человек, ехавший впереди, видимо, увидел в зеркальце наш прыжок на тротуар, вернулся к нам и спросил: чем может помочь? И не уехал, пока не был поставлен новый скат и мы не отправились дальше.

Несмотря на большое количество автомашин, найти такси в Буэнос-Айресе — дело нелегкое. Если вы хотите куда-либо опоздать, ждите такси. Однажды мы, побродив несколько часов в субботнее предвечерье по городу, тщетно пытались поймать такси, чтобы вовремя вернуться в отель и оттуда отправиться на очередную встречу. Но такси не было. Что такое езда «налево», здесь не знают. Мы стояли на какой-то площади, поругивая Чернышева, увлекшего нас так далеко от дома. В это время мимо ехал старый извозчик, сидевший на облучке древнего, латанного-перелатанного экипажа. Рыжая кобыла неторопливо переставляла облезшие ноги. Времени для выбора не было.

— Извозчик! — крикнули мы.

И, странное дело, старик понял нас. Притормозил конягу, свернул к нам, мы взобрались на скрипучее сооружение. Минут через двадцать неторопливой рысцой лошадь подкатила нас к отелю «Версаль».

Чем больше мы наблюдали жизнь столицы Аргентины, тем больше раскрывались нам симпатичные черты характера аргентинского народа.

Известно, что Буэнос-Айрес расположен на берегу Рио-де-Ла-Платы, что означает Серебряная река. С 1862 года, когда Буэнос-Айрес был провозглашен столицей Аргентины, население его стало бурно расти, насчитывая сейчас около пяти миллионов жителей. Красивы набережные около Ла-Платы. По одной из них, называемой Костанера, мы проезжали не один раз и всегда восхищались ее дорогами, широкими аллеями, где в тени деревьев в часы отдыха со своими стульчиками и маленькими столиками, а то и просто так, на траве, собираются десятки тысяч людей. Привлекли наше внимание огромные искусственные бабочки, которые здесь запускают вместо бумажных змеев. Остановившись как-то у набережной, мы невольно заинтересовались рыбной ловлей. На набережной с удочками в руках стояло несколько человек. Известно, что рыбаки очень подвержены чувству международной солидарности. Едва стоит заговорить о том, что́ и на что ловят, как собеседники начинают понимать друг друга без переводчиков, а на лицах появляется такое выражение умиленности и счастья, будто, кроме рыбы и стальных крючков да вот этого узкого места суши у реки, ничего на свете не существует. Так было и на этот раз. Мы подошли к пожилому человеку, наблюдавшему за поплавком.

— Здравствуйте,— сказал Николай Грибачев.

— День добрый,— ответил рыбак.

— Как ловится?

— Да так себе... Сейчас не сезон...— сказал рыбак, не отрывая глаз от поплавка, трепыхавшегося в красновато-желтой воде.

— А что так?

— Осень... — неопределенно протянул рыбак.

— Да, нехорошо,— согласился Грибачев.

— Нет, ничего... Бывает, что и сейчас ловим суруби.

— Суруби? Что это?

— Рыба такая...— Рыбак широко развел руками. — До восьмидесяти килограммов.

Восемьдесят килограммов — цифра звучная, и она потрясла не одного Грибачева. Мы теснее столпились вокруг рыбака. Посыпались вопросы:

— Вы сами ловите таких рыб?

— У меня работников нет.

— А где она ловится, здесь?

— Нет, на Паране.

Грибачев решительно сказал:

— Я хочу на Парану!

Мы все захотели ехать на Парану. Но у нас возникли некоторые технические вопросы к рыбаку.

— А на что ловите?

— Здесь на червя,— сказал рыбак и приоткрыл консервную банку, в которой копошились обыкновенные дождевые черви.

Черви вызвали восторг: такие же, как и у нас!

— А еще на что ловите?

— На живца.

— На живца?! Вы слышали, на живца?! Так же, как у нас!

Рыбак с удивлением смотрел на нас.

— Да кто вы такие? — спросил он.

— Русские журналисты.

— О, я слышал... В газете писали.— Он вдруг направился к ведерку и вытащил небольшую рыбку.— Вот возьмите мой подарок.

— Да нам и приготовить негде. Спасибо. Мы еще приедем к вам сюда,— говорили мы, прощаясь с рыбаком.

— Обязательно поедем на Парану,— решили мы, садясь в машины.

— Обязательно! — закрепил наше решение Грибачев.— Я хочу поймать суруби, все-таки восемьдесят килограммов — это вещь...

Обедали мы обычно в маленьких столовых, которые содержат вскладчину два—три человека. В Буэнос-Айресе их довольно много, но, тем не менее, в обеденное время — с часу дня до трех — они переполнены. Столовые эти не отличаются особой чистотой, но у них есть два несомненных преимущества перед гостиничными ресторанами: во-первых, обеды здесь стоят дешевле и, во-вторых, есть некоторая иллюзия домашности, да и сами обеды, лишенные особых ресторанных ухищрений и сервировки, натуральны по вкусу. То, что в Аргентине много мяса, вы можете почувствовать именно в таких столовых. Меню в них очень несложное. Какой-либо суп с картошкой или с макаронами, на второе ломо — южноамериканское национальное блюдо — кусок нежирного, зажаренного на хорошее жару мяса. Однажды пообедав, мы всегда старались попасть именно в «наш» ресторанчик.

— Пошли скорей на «Риголетто»,— обычно говорили мы.

Но как-то наш друг, работник советского посольства, Саша Алексеев сказал нам:

— Вы не очень туда торопитесь. Еще успеете.

— Как успеете? Там до трех.

Алексеев засмеялся.

— Там принимают и позже. Во-первых, место это называется не «Риголетто», а «Риколетто», а

Ловись, рыбка...

Тесно на торговых улицах.

во-вторых, это не улица, а кладбище, расположенное чуть дальше вашего ресторана.

Мы смущенно посмотрели друг на друга. Увидев как-то стрелку с указателем, на которой значилось «Риколетто», мы решили, что это — название улицы, на которой был расположен «наш» ресторан.

Тем не менее мы привыкли к этому ресторану и к его посетителям. Мы знали, что каждый день приходит сюда пожилая пара: она полная, седая; он лысоватый, с темными мешками под глазами. Официант даже не спрашивал, что им подать. Он только поднимал палец и говорил:

— Как всегда?

Мужчина склонял тяжелую голову к правому плечу.

Каждый день приходила стройная, очень красивая девушка в красном джемпере. Когда она плавной походкой направлялась к своему столику, многие головы поворачивались вслед за ней. Я не выдам ничьей тайны, но скажу, что и мы жалели, когда опаздывали и уже не заставали девушки в красном джемпере. Иногда она появлялась в сопровождении блондинки в джемпере ярко-желтого цвета. Но от этого соседства она еще больше выигрывала.

Мы привыкли к старому, обрюзгшему человеку лет семидесяти, всегда сидящему где-либо у стены над бутылкой пива. Видимо, он был настолько одинок, что даже не пытался с кем-либо разговаривать. Иногда он безмолвно шевелил губами, иногда просто дремал.

Однажды открылась дверь в столовую, и вошла пара. Они были очень ярко, даже, пожалуй, крикливо одеты... Может быть, на них и не обратили бы внимания, но у женщины были ярко-синие волосы, не черные с синевой, а именно синие. Мужчина и женщина, видимо, по-своему были счастливы, так как, не обратив ни на кого внимания, сели у стойки за свободный столик. К ним подошел официант. Мужчина взял меню в руки, что-то говорил официанту, но тот все время отрицательно качал головой. Тогда они поднялись и вышли из ресторана. Для этой любви, по всей вероятности, требовалась более изысканная закуска...

Как-то раз, когда мы пришли, рядом с нами сидело четверо мужчин. Стол их был заставлен пустыми и полными бутылками красного аргентинского вина — тинто. Трое все время обращались к четвертому, поднимали стаканы, обнимали его и хлопали по спине.

Мы спросили официанта, что за праздник у них. Официант ответил:

— У этого синьора родилась дочь.

Конечно, в ресторане знали, что мы русские. Официант, постоянно обслуживавший нас, поставив однажды перед нами бутылку вина, сказал:

— Это за мой счет... Я сам испанец... Мой отец когда-то сражался в Испании на стороне республиканцев, но после поражения республики вынужден был эмигрировать в Аргентину. Я хочу выпить за Россию.

Очень шумные в Буэнос-Айресе торговые улицы—Флорида и особенно Корриентас. Все главные магазины сосредоточены там. В этом же районе много кинематографов. В дни, когда мы приехали, бастовали работники кинотеатров, требуя повышения заработной платы. Единственная картина, которую мы тогда посмотрели, был «Дон-Кихот». Мне не довелось увидеть ее в Москве; тем интереснее было увидеть ее в стране, где имя Сервантеса — одно из самых чтимых. Огромный кинотеатр на три с лишним тысячи мест едва вместил всех желающих. Во время демонстрации фильма раздавались частые аплодисменты. После сеанса мы вышли на шумную, кипящую страстями улицу. Представитель Совэкспортфильма Сергей Константинов познакомил нас с одним из видных аргентинских критиков. Мы поинтересовались его впечатлениями о картине.

— Я вам скажу честно...— ответил он нам.— Это фильм не массового успеха у зрителей. Публика наша хотя и устала от всяких гангстерских и психопатических фильмов, но все же в какой-то степени развращена ими. Поэтому такой, по-настоящему гуманистический фильм, такой тонкий фильм может, как говорят, не до всех дойти. Но сам фильм очень хороший... Особенно великолепен Черкасов. Жаль, что тема Санчо Пансы немного приглушена, недостаточно выявлен юмор этого героя... Но то, как принимали сегодня фильм,— вы ведь слышали аплодисменты — это не только оценка данного фильма, но и благодарность вашему кинематографу, так хорошо почувствовавшему гуманистические идеи Сервантеса. Это очень важно. Вы же знаете, что попытки поставить фильм о Дон-Кихоте в Соединенных Штатах провалились, и даже Испания не смогла этого сделать.

Беседуя, мы стояли около кинотеатра. К нам подошли два человека с какими-то листками. Они что-то говорили нашему собеседнику.

— Это бастующие работники молочной промышленности... Они говорят, чтобы вы — они узнали вас по фотографиям, напечатанным в газетах,— обязательно, для более полного ознакомления с Аргентиной, поехали в провинцию. Вы поедете?

— Собираемся, но несколько позже.

— Муй бьен [1],— сказал высокий человек с листками, отходя от нас.

Был уже второй час ночи, но улицы были полны людей. Машины с трудом продирались через толпу. На одном из углов происходил митинг. Свистели полицейские. Кто-то громко пел под аккомпанемент аккордеона.

— Что это поют? — спросили мы, видя серьезные лица поющих.

— Перонистский гимн. Люди сейчас еще бродят, выбирая политические дорожки.

Мы шли мимо открытых магазинчиков, в которых продавались дешевые картинки, какие-то аппликации, всяческие пряности, пестрые книги, патефонные пластинки. Со всех сторон гремели через усилители танго и аргентинские самбо. Слышались короткие пистолетные выстрелы. Это стреляли в тирах.

— Зайдем? — спросил Алексеев.

— Зайдем.

— Кто будет стрелять?

— Давайте попробую я,— сказал Грибачев.

Он взял пистолет, положил его на руку и, наведя дуло на разноцветный пузырь, спустил курок. Пузырь лопнул. Грибачев спокойно заложил еще патрон, прицелился — и второй пузырь разлетелся вдребезги... За ним последовал третий, четвертый... Хозяин тира с удивлением смотрел на Грибачева.

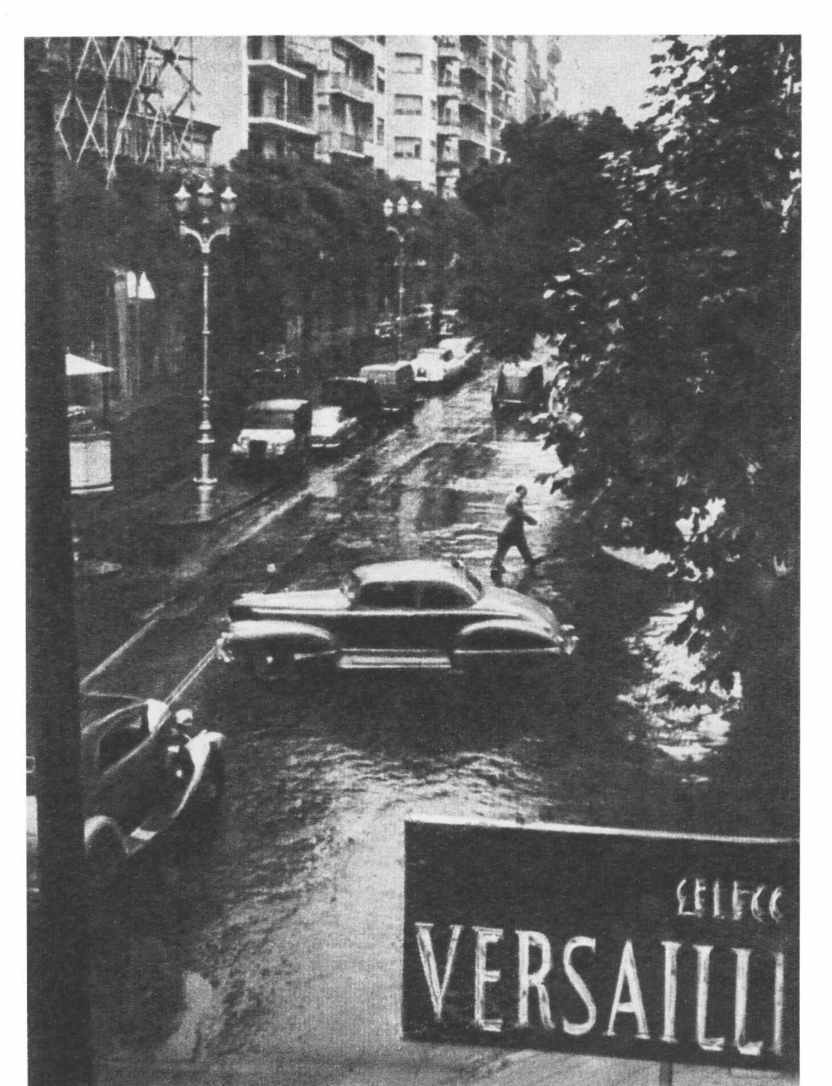
После пятого лопнувшего пузыря Грибачев положил пистолет на прилавок и сказал:

— Все. Пошли дальше.

— Сеньор, вы забыли свой приз! — крикнул хозяин тира и подал Грибачеву модель корабля, на котором Христофор Колумб когда-то открыл Америку.

[1] Очень хорошо.

У отеля «Версаль» в дождь.



Американские спортсмены среди советских зрителей.

„МАТЧ столетия"

Виктор ВАСИЛЬЕВ

Фото А. Бочинина, Н. Волкова и Б. Светланова.

Говорят, что счастье никогда не бывает полным. То, что произошло в минувшие воскресенье и понедельник на Центральном стадионе имени В. И. Ленина в Москве, начисто опровергло это утверждение. Не знаю, все ли участники, но зрители — ручаюсь, что все до одного,— были счастливы, потому что нам никогда еще не приходилось видеть такого изумительного зрелища, такой великолепной, до тонкостей продуманной организации состязаний и так удачно сложившихся взаимоотношений... с погодой. В воскресенье тучи, одна мрачнее другой, ходили возле стадиона, нетерпеливо заглядывали за край гигантской чаши, как бы вопрошая: «Скоро ли?» И только когда закончился последний забег, хлынул ливень. На другой день дождь лил полдня, но к началу состязаний стадион, умытый и посвежевший, успел подсохнуть и предстал перед участниками и зрителями во всей своей красе. Словом, что там говорить — счастье было полным!..

«Матч столетия» — так окрестили на Западе легкоатлетический матч США — СССР. Не кажется ли несколько напыщенным это название? Нет! Во-первых, советские и американские легкоатлеты, хотя и соперничали на двух последних Олимпийских играх, но в матче никогда не встречались. Во-вторых, обе команды, несомненно, сильнейшие в мире в этом виде спорта. В-третьих, на стадионе в эти два дня выступало столько знаменитостей, что их хватило бы порознь на добрый десяток международных матчей.

Команды состязались по тридцати двум видам. Выражаясь языком футбольных отчетов, острые моменты возникали то у одного, то у другого сектора стадиона, то на беговой дорожке, а то и на зеленом поле. Уследить за всем было просто невозможно, и я постараюсь рассказать только о том, что показалось наиболее интересным.

Интересное началось с самого начала. Вот пропели фанфары, и команды полукругом расположились у Западной трибуны. Небольшая торжественная часть, приветствия, в которых доминирует слово «дружба». Затем звучат гимны. Сначала — гимн гостей. При первых же звуках один из американцев прикладывает руку к сердцу и так стоит до конца гимна. Зрители одобрительно комментируют эту трогательную деталь: нам всегда приятно, когда человек чем-то выражает любовь к своей родине.

Церемония открытия закончена, и тут же на пьедестал поднимается первая группа участников — наших и американцев,— которых перед состязанием представляют зрителям. Спортсмены ведут себя по-разному. Одни несколько смущены под прицелом десятков тысяч взглядов, хотя и, несомненно, дружелюбных, другие держатся с подчеркнутой серьезностью, третьи улыбаются. Здоровенный парень с приятным, симпатичным лицом не только улыбается сам, но и вызывает ответные улыбки с трибун. Ему явно трудно сохранить серьезность, и он шалит, как мальчишка. То вдруг картинно выпятит грудь и уставится глазами в одну точку перед собой, то хлопнет по животу стоящего рядом. Это знаменитый Гарольд Коннолли, который благодаря мировым достижениям в метании молота и веселому нраву стал одним из самых популярных легкоатлетов в США.

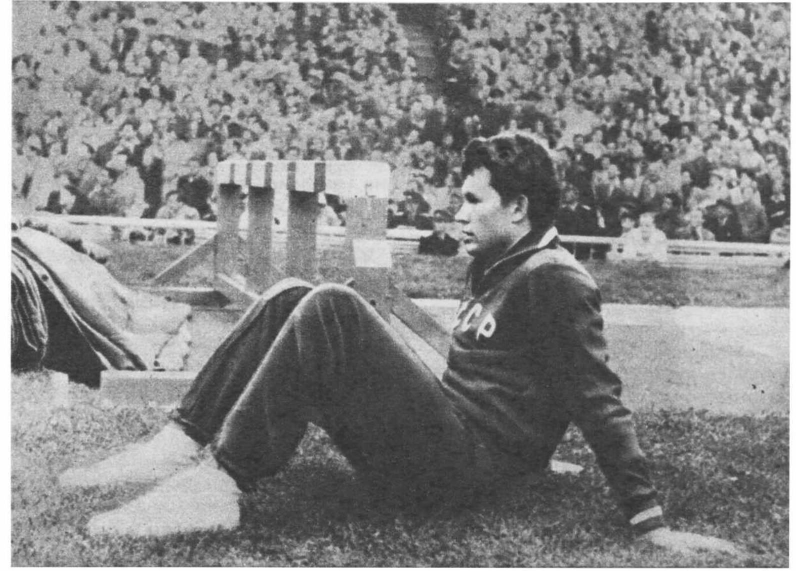
Веселость и смешливость Коннолли — не только свойство характера, но и свидетельство выдержки, умения сохранять присутствие духа, отвлекаться от предстоящего труднейшего испытания. Этим умением обладают многие американские легкоатлеты.

Однако мы отвлеклись, а уже даны первые старты. Вот вступили в борьбу «титаны» — десятиборцы Рафер Джонсон, призер Олимпийских игр, бывший рекордсмен мира, и Василий Кузнецов — призер олимпиады и рекордсмен мира.

На старте бегуны на 100 метров. Нашим парням, Леониду Бартеневу и Юрию Коновалову, придется туго рядом с неграми Айрой Мэрчисоном и Эдом Коллимуром. Выстрел стартера — и Мэрчисон мгновенно доказал, что не зря его прозвали молнией. С непостижимой быстротой мелькают его ноги, и вот уже он впереди всех. Перед самым финишем к нему приблизился Коллимур, и они закончили дистанцию с одинаковым временем — 10,2 секунды. Такой результат на стадионе нашей страны зарегистрирован впервые.

Вскоре произошла новая сенсация матча — в женской эстафете 4 по 100 метров американки, к изумлению и огорчению зрителей, обогнали нашу команду. Нужно было видеть восторг молодых негритянок. Они прыгали, обнимались, целовались, кричали. Когда спустя минут десять девушки поднялись на почетный пьедестал, они и там сияли радостью, гордо потрясали букетами цветов, посылали вокруг улыбки и воздушные поцелуи. Честное слово, таким энтузиасткам даже как-то не очень жаль проигрывать...

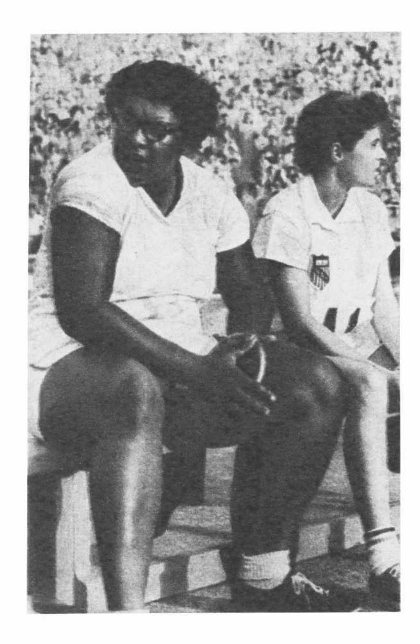
Между тем счет матча все рос в пользу гостей, и зрителям при всей их объективности и благожелательности хотелось уже похлопать и нашим спортсменам. Первой доставила это долго ожидаемое удовольствие Таисия Ченчик. Вместе с Галиной Долей она выступала в прыжках в высоту. После высоты 155 сантиметров обе американки прекратили борьбу, но Ченчик мно-



Олег Ряховский, мировой рекордсмен в тройном прыжке, в момент отдыха.

Юрий Степанов, победитель в прыжках в высоту, принимает поздравление.

Старт бега на 100 метров.



Американская спортсменка Эрлин Браун, занявшая первое место в толкании ядра и второе — в метании диска.

го еще пришлось потрудиться, чтобы получить путевку на заветный пьедестал — такая уж ей досталась доля!..

С легкой ноги Ченчик и другие наши спортсмены проложили тропу на пьедестал, и вскоре стало ясно, что, хотя в некоторых видах американцы намного превосходят наших легкоатлетов, в целом это все же поединок равных. На таких соревнованиях «болеть» — одно удовольствие, и наш замечательный московский зритель, который завоевал всемирную славу безупречно справедливого знатока и радушного хозяина, вновь блеснул своим «мастерством».

Б. Залагайтите показала лучший результат в метании копья.

Заканчивается бег на 10 тысяч метров. Советские бегуны Евгений Жуков и Алексей Десятчиков оставили далеко позади своих соперников, и борьба за первое место на этой дистанции — это уже «спор славян между собою». Американцы явно измотаны непосильным напряжением, и вот один из них постепенно переходит на шаг. И тогда наш безукоризненно корректный зритель осуждающе свистит: да, да, дружба дружбой, а спорт спортом. Мы за то, чтобы борьба шла до конца, даже если он не победный.

А вот как встречали зрители американского ходока. Наши спортсмены давно уже финишировали, спустя несколько минут закончил дистанцию и один американец. Прошло довольно много времени, о ходьбе уже успели забыть, как вдруг из-под Северной трибуны вынырнул на беговую дорожку второй американский ходок. Энергично размахивая руками, он торопился к финишу. Ситуация была с явно юмористическим оттенком, но никто не смеялся, трибуны встретили его аплодисментами и приветственными возгласами за настоящий спортивный дух.

Но вот первый день соревнований подошел к концу. Команде США удалось удержать инициативу в матче: счет очков был 83 : 75.

Второй день снова начался выступлением десятиборцев. Дуэль Джонсон — Кузнецов была, пожалуй, центральным событием матча. После первого дня замечательные спортсмены набрали отличную сумму очков: Джонсон — 4 529, Кузнецов — 4 420. Было известно, что Кузнецов во второй день соревнований выступает лучше, чем в первый, поэтому зрители надеялись, что советский спортсмен добьется победы и отстоит свой титул рекордсмена мира. Но Джонсон, этот феноменальный десятиборец, превзошел самого себя. Уже после девяти видов он набрал 8 072 очка и установил новый мировой рекорд! Не знаю, был ли подобный прецедент в истории десятиборья! В конечном итоге Джонсон набрал 8 302 очка — на 288 очков лучше прежнего мирового рекорда!

Десятиборцы В. Кузнецов и Рафер Джонсон.

Джонсон последним поднялся на пьедестал почета. Огромный, черный, удивительно красиво сложенный, он стоял там, окруженный стаей фоторепортеров. Стоял, подняв вверх руку, с измученным, но счастливым лицом, по которому стекали капли пота...

Джонсон был не единственным героем этого матча. Советский спортсмен Олег Ряховский преподнес приятный сюрприз: в тройном прыжке он показал результат 16 метров 59 сантиметров, на 3 сантиметра лучше мирового рекорда известного бразильского прыгуна да Сильвы!

И все-таки даже на фоне этих неувядаемых триумфов ярко сверкает взлет Юрия Степанова. В прошлом году Степанов, как известно, побил мировой рекорд Чарльза Дюмаса. Победа Степанова была настолько неожиданна и ошеломляюща, что во многих странах в нее отказывались верить, приписывая заслугу... подошве туфли прыгуна.

Олимпийский чемпион и официальный рекордсмен мира Дюмас (рекорд Степанова еще пока не утвержден) стремился помериться силами с нашим замечательным прыгуном. Рвался в бой и Степанов. И вот их поединок, полный глубокого внутреннего смысла, состоялся, причем Степанов прыгал в туфлях с подошвой установленной толщины. Чем это кончилось? Дюмас прыгнул только на 203 сантиметра, Степанов же с первой попытки преодолел планку на высоте 206, 209 и, наконец, 212 сантиметров! Так был положен конец спору о магической подошве.

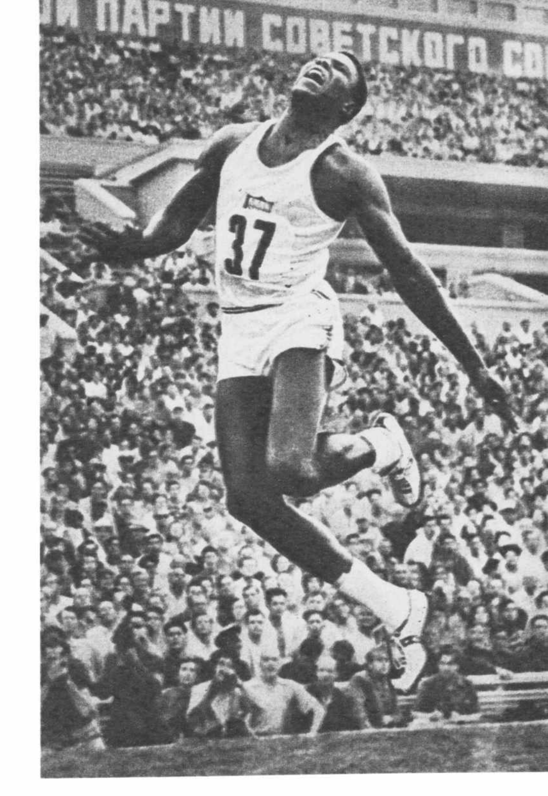
Победитель бега на 10 000 метров Евгений Жуков дарит свои легкоатлетические туфли Джерри Смартту.

После 28 видов вперед вырвалась команда Советского Союза — 151 : 150! И все-таки судьба матча висела еще на волоске. Не сумей Хуберт Пярнакиви в беге на 5 тысяч метров всего лишь на грудь обойти Вильяма Деллинджера — и матч был бы проигран. Но Пярнакиви сумел — и в конечном итоге великий «матч столетия» принес победу команде СССР — 172 : 170.

Эта победа прекрасна! Но она не должна заставить нас забыть, что такие наши соперники, как все спринтеры, толкатель ядра Перри О'Брайен, метатель диска Ричард Бабка и некоторые другие американские легкоатлеты, пока еще на голову выше советских спортсменов. Нам нужно поучиться у американских гостей и мастерству передачи эстафеты, и технике прыжков в длину, и такому трудному искусству, как сохранение самообладания в самые напряженные мгновения спортивной борьбы.

И если мы извлечем для себя из этого дружеского матча все полезные уроки, тогда можно быть уверенным, что эта первая победа над легкоатлетами США будет не последней.

Эрни Шелби — победитель в прыжках в длину.



Прыгает Рафер Джонсон.

В. Булатов выигрывает прыжки с шестом.

Эстафетный бег женщин на 400 метров.

УДАР В СВОИ ВОРОТА

Рисунки Л. и Ю. Черепановых.

Антилопы-сайгаки

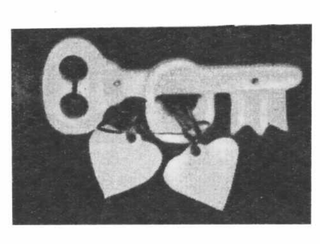
Внешний вид антилопы-сайгака не согласуется с нашим представлением о легких, стройных антилопах. Посмотришь на сайгака и невольно вспомнишь не газель, а неуклюжую домашнюю овцу. У сайгака несоразмерно большая голова на тонкой шее с вытянутой, наподобие хобота, мягкой мордой. А у самцов пара не очень изящных кольчатых рогов светло-желтого цвета.

Еще три — четыре столетия назад сайгаки в несметном количестве водились в степях от Польши до Восточного Казахстана и Монголии. Давно исчезли они в Польше и на Украине, дольше удерживались в астраханских степях и полупустынях Казахстана. К началу нашего столетия из-за неразумного истребления и здесь оставались считанные табунки сайгаков. Только с тридцатых годов, когда сайгаки были взяты под государственную охрану, звери начали быстро размножаться и снова стали промысловыми.

На пустынном острове «Барса-Кельмес» (в переводе с казахского: «Пойдешь — не вернешься») в Аральском море учрежден сайгачий заповедник. Корма для них хватает, волков нет, люди их не тревожат. Табунками и в одиночку бродят антилопы по острову, кормясь незатейливой пустынной растительностью. Весной, когда есть свежая зелень, сайгаки могут обходиться подолгу и без питья, при нужде пьют морскую воду, но, конечно, предпочитают пресную.

И. СОКОЛОВ,
доктор биологических наук.
Ленинград.

Ключик и два сердца...



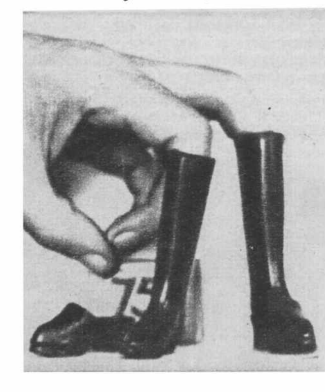
...Из белой кости выточен ключ. К нему подвешены на цепочке два маленьких сердца. Так выглядит брошь, которую изготовляет артель «Пятилетка» Ставропольского крайбытремпромсоюза. Судя по тому, что этот сувенир я купила в Москве, руководители Ставропольского крайбытремпромсоюза решили пропагандировать пошлость и за пределами своего края. «Ключик к маленьким сердцам» встретишь во многих ювелирных магазинах нашей страны.

Советские скульпторы, художники, модельеры трудятся над созданием красивых, изящных вещей, развивающих хороший вкус у молодежи. Но, к сожалению, многие артели еще выпускают пошлые, ненужные сувениры. Контролирует ли кто-нибудь эту их деятельность?

Н. БИНШТОК
Москва.

От редакции. Автор публикуемого письма пришла в редакцию и принесла купленный ею сувенир. «Огонек» уже выступал однажды против подобной формы пропаганды пошлости. Но творцы таких «сувениров» не унимаются. Мы надеемся, что Роспромсовет заинтересуется ими.

Сапоги тамбовского умельца



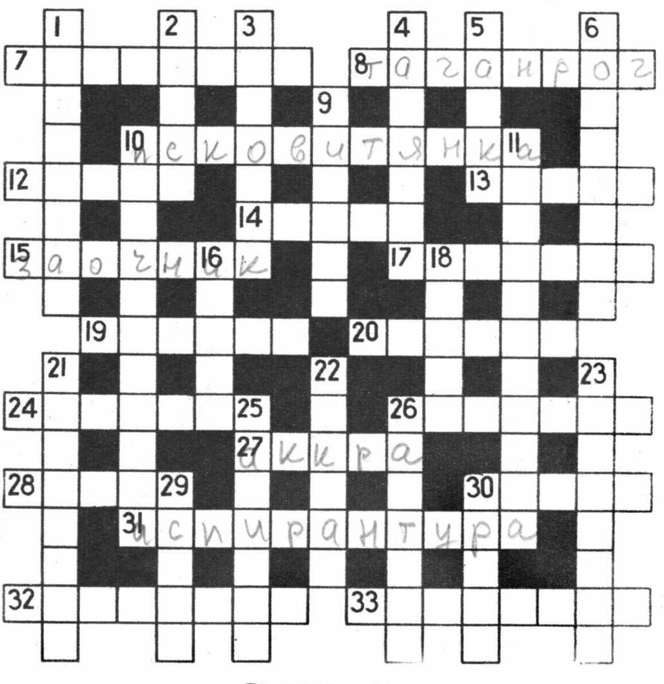
Тот, кто побывал в Оружейной палате Московского Кремля, запомнил огромные сапоги, принадлежавшие Петру I. А вот в коллекции тамбовского коллекционера Н. А. Никифорова можно увидеть сапоги величиной чуть побольше спичечной коробки. Сшиты сапоги по всем правилам и даже подбиты медными шпильками. Они «надеваются» на палец. К сапогам сделаны кожаные галоши.

Сапоги стачал один сапожник из мастерской тамбовского купца Фокина. Предприимчивый купец послал диковинную самоделку на выставку 1889 года в Париж. Чудо-сапогам была присуждена большая серебряная выставочная медаль. Только медаль получил не сам умелец, а его хозяин.

В. ЗЕМСКОВ

На вкладках этого номера четыре страницы репродукций картин Куйбышевского городского художественного музея и четыре страницы цветных фотографий.

КРОССВОРД



По горизонтали:

7. Путь для безопасного плавания судов. 8. Родина А. П. Чехова. 10. Опера Н. А. Римского-Корсакова. 12. Косметическое средство. 13. Стихотворение А. С. Пушкина. 14. Административно-территориальная единица в Монгольской Народной Республике. 15. Человек, сдающий экзамен без посещения учебного заведения. 17. Передний зал. 19. Крепежная деталь машин. 20. Часть цветка. 24. Герой произведения И. С. Тургенева. 26. Шуточное подражание. 27. Столица Ганы. 28. Русский зодчий XVI века. 30. Электронная лампа с шестью сетками. 31. Подготовка научных и преподавательских кадров. 32. Восточнославянское племя. 33. Государство в Европе.

По вертикали:

1. Произведение народно-поэтического творчества. 2. Порода охотничьих собак. 3. Дорожная вещь. 4. Легкие физические упражнения. 5. Мягкая ворсистая ткань. 6. Выемка в земле для оснований сооружений. 9. Сушеные ягоды винограда. 10. Вещество животных и растительных клеток. 11. Переложение музыкального произведения. 16. Перо с тупым концом. 18. Река в Польше. 21. Насыпь вдоль дорог и каналов. 22. Мера земельной площади. 23. Первый учебник по русской истории. 25. Разновидность, видоизменение. 26. Хищное животное. 29. Декоративное растение с крупными цветами. 30. Птица семейства ястребиных.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 31

По горизонтали:

7. Крашенинников. 10. «Калевала». 11. Директор. 15. Гобой. 16. Каховский. 17. Штиль. 20. Вьетнам. 23. Пропись. 24. Бурелом. 25. Гимн. 26. Крит. 27. Свинец. 28. «Хорошо!» 29. Сито. 32. Приз. 33. Бисквит. 34. Копейка. 35. Адмирал. 38. Актив. 39. «Холстомер». 40. Ствош. 43. Целостат. 45. Светлана. 46. «Бесприданница».

По вертикали:

1. Ордер. 2. Ашхабад. 3. Юнга. 4. Анод. 5. Лигроин. 6. Ковка. 8. Лафонтен. 9. Поступок. 12. Вольтижировка. 13. Свитер. 14. Классификатор. 18. Наливайко. 19. Кронштадт. 21. Сувенир. 22. Боровик. 30. Очевидец. 31. Акоста. 32. Пристань. 36. Поступь. 37. Деревня. 41. Ботев. 42. Улица. 44. Тмин. 45. Сван.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: В. Ф. БАРЫКИН, А. С. ВАРШАВСКИЙ, Н. Н. КРУЖКОВ, Л. А. КУДРЕВАТЫХ (зам. главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, Е. Н. ЛОГИНОВА, И. А. УРАЗОВ.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Рукописи не возвращаются. Оформление И. Уразова.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 3-38-67; Литературы — Д 3-31-83; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-65; Юмора и сатиры — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 07102. Подписано к печати 30/VII 1958 г. Формат бум. 70×108¹/₁₆. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 1 420 000. Изд. № 639. Заказ № 1726.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

НА ЗАКАТЕ.
Фото А. Скороспехова.

МИНИСТЕРСТВО ПУТЕЙ СООБЩЕНИЯ СССР

Дирекция международных и туристских перевозок Главного пассажирского управления

С 1 февраля 1958 года снижены тарифы на проезд по железным дорогам СССР в мягких вагонах в среднем на 11 процентов и в спальных вагонах прямого сообщения (международных) до 25 процентов.

В указанных вагонах имеются все условия и удобства для отдыха пассажира в пути.

Пользуйтесь услугами пассажирского железнодорожного транспорта!